ПИОНЕР

10

//МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ//

ПЕРЕПИСКА ДРУЗЕЙ

Письмо шестое

Здорово ты, Миша, на машинке печатаешь. Получаю я письмо, адрес на конверте напечатан. От кого бы это, думаю, кто это мне на машинке строчит? Никак бы не подумал на тебя.

У нас теперь хорошо. Наш город, ведь, на Днепре лежит. А Днепр около нас широкий, как море. Ребята уже купаются. Мы звеном или отрядом делаем вылазки на Днепр и устраиваем сборы на большой песчаной косе. Ребятам нравятся такие сборы. Наберем сучьев, костер разложим. Там безопасно и почти в городе.

На-днях ездил совет отряда в деревню, где лагерь будет. И вот на какую штуку напоролись. В этой деревне — Лозовенька она называется — есть беспризорные ребята. И не то, что беспризорные, а как бы бывшие беспризорные. У крестьян живут. Беспризорные крестьянам по хозяйству помогают, а государство за это крестьянину деньги платит. Эти беспризорные называются патронированные.

Так вот какую штуку мы задумали провести. Как живут патронированные, ведь, никто не знает в городе. А, по-моему, это нужно бы знать. Потому что этим патронированием мы боремся с беспризорностью. Мы решили летом обследовать, как живут патронированные беспризорные в нашей деревне и в других по соседству.

Это очень важное дело. Я не знаю, есть ли у вас в Московской губернии патронированные ребята. Думаю, что есть. Ты, Миша, поставь этот вопрос перед своими ребятами и вожатым. Для беспризорных — это спасенье от улицы. А если им будет плохо, так, ведь, они обратно в город сбегут. Надо, значит, постараться, чтобы эти ребята не были голодными, чтобы могли учиться. Я думаю, что их нужно затащить в отряд. Вообще, работать с ними. Сейчас наши ребята изучают все законы беспризорных. Когда приедем, надо будет растолковать им, что они должны делать у крестьян, что им крестьяне должны давать. Вообще все. Нужно так же постараться, чтобы патронированным было бы хорошо. Мне кажется, что им трудновато сначала работать, потому что работа крестьянская тяжелая, а они от всякой отвыкли.

Занятия в школе кончились. Я в шестой группе (с будущего года, конечно). Как у тебя дела школьные — напиши. Напиши про Москву — какая она, что в ней делается. Пусть мне напишет тот парень с машинкой.

Да, забыл тебе написать. Годовщина пионер-организации у нас здорово хорошо прошла, весело и интересно.

Завжди готов (это по-украински — всегда готов)!

ПЕТЯ СТАРОНОСОВ

Главлит № 88216. 5-я тип. «Транспечати» НКПС «Пролетарское Слово», Москва, Южный пер., д. 4. Тираж 28.000.

ГОД ИЗДАНИЯ 4-й

К борьбе за рабочее дело—будь готов!

ПОДПИСНЫЕ ЦЕНЫ

На 12 м.—3 р. — к.
„ 6 „ —1 „ 60
„ 3 „ — „ 85
„ 1 „ — „ 30

ПИОНЕР

АДРЕС РЕДАКЦИИ и КОНТОРЫ

Москва, Нов. площадь, 6/8. Издательство „Молодая Гвардия"

ДВУХНЕДЕЛЬНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ

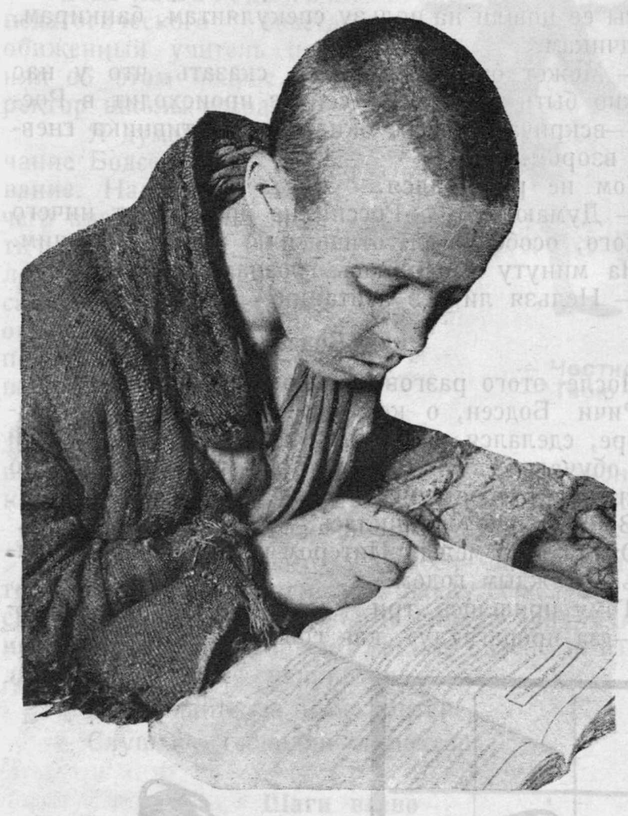
ОРГАН

ЦЕНТРАЛЬНОГО БЮРО ДЕТСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМ. В. И. ЛЕНИНА
ПРИ ЦК ВЛКСМ, МОСКОВСКОГО БЮРО ЮНЫХ ПИОНЕРОВ ПРИ МК ВЛКСМ И НАРКОМПРОСА

№ 10 МАЙ 1927 г.

ПОМНИТЕ О БЕСПРИЗОРНЫХ

Статья председателя комитета по проведению „Недели помощи беспризорным" и безнадзорным детям А. КАЛИНИНОЙ

В *„Неделю помощи безнадзорным и беспризорным детям"*, все общественные, профессиональные и советские организации сплачиваются для того, *чтобы отвлечь детей от улицы*, от нездоровой разлагающей жизни *и помочь им организовать и наладить свою жизнь.* Общество кровно заинтересовано в том, чтобы все дети в будущем стали полезными гражданами для государства.

Государство с болью переживает наличие у нас, на 10 году революции беспризорных детей и все время *неустанно работает, чтобы изжить детскую беспризорность и безнадзорность.*

Но эта работа будет недостаточна, если все не придут государству на помощь, если организованные кадры нашей молодежи и детворы— *комсомольцы, пионеры, школьники не будут активно работать на этом фронте, не будут помогать в работе с неорганизованными ребятами на детских площадках, в детуголках и т. д.*

Повнимательнее приглядитесь у себя на дворе к тем ребятам, которые целыми днями копаются у мусорных ям и бегают по улицам. Постарайтесь пока в вашем *дворе*, где вы живете, *повести с ними работу.*

Подымайте эти вопросы у себя в ячейке, в отряде, в жилтовариществе, в детдоме, в школе. Вы увидете, что при желании много можно сделать для безнадзорных ребят.

Если бы вы зашли на выставку детского труда бывших беспризорных и безнадзорных ребят (Лубянский пассаж в Москве), вы бы увидели, на что способен этот безнадзорный и беспризорный, которого часто вы сторонитесь на улице.

В эту неделю вы должны *придумать и наметить* себе *хотя бы небольшую*, не конкретную работу на лето.

ПОМНИТЕ, ТОЛЬКО ОБЩИМИ УСИЛИЯМИ МЫ ПОБЕДИМ БЕЗНАДЗОРНОСТЬ

РИЧИ БОДСЕН И ГАРРИ КЕРКЛЕЙ

Рассказ МАТЕ ЗАЛКА

Перевод с венгерского

Рисунки худ. А. БРЕЯ

В фабричном квартале Лондона

В этом квартале Лондона дома низкие, улицы молчаливые. Старые кирпичные строения тянутся вдоль улиц, затаив в себе свою жизнь. В домах, засаленных, грязных от времени, машины десятками лет ткут известное всему миру «английское» сукно.

Низкие одноэтажные пакгаузы закрывают с улицы широкий двор, внутри которого подымаются дымящие фабричные трубы. Под ними широко открытыми глазами смотрят окна корпусов.

Быстро вертятся веретена, глухо стучат ткацкие машины...

Фабрика—это небольшая улица. Из красного кирпича—контора, из красного кирпича—дома для жилья, из красного кирпича—пакгаузы и склады, из красного кирпича—корпуса машин и школа, где учатся дети рабочих.

Директор Керклей, десятник Питер и рабочий Том

Мистер Керклей был маленьким чиновником на фабрике тогда, когда по этим улицам тяжело нагруженные фуры тащили мытую шерсть австралийских баранов. А теперь, когда грузовые автомобили развозят отсюда сукно—он директор этой фабрики.

Том Бодсен был рабочим и тогда, и теперь он остался им. Только война заставила его на время покинуть эту фабрику. Он попал во Францию, а затем, после неудачного боя, очучился в немецком плену.

В то время как мистер Керклей делал свой путь от маленького чиновника до директора предприятия, в то время Джон Питер сделался из простого рабочего десятником. Положение Тома Бодсена не изменилось, хотя война и плен научили его коечему. Что-то еще, кроме рано поседевших волос, вынес он из плена.

Десятник Питер «у станка»

Том работал на фабрике, прекрасно знал свое дело, так что Питер как ни старался, не мог к нему придраться. Питер был зол на Тома, так как Том делал поправки Питеру, когда тот начинал рассказывать о войне.

Однажды Питер рассуждал о верденских ужасах. Том прервал его:

— Я знаю, что Верден был действительно ужасным делом, но ведь вы, Питер, пережили верденские события в Лондоне так же, как и мой сын Ричи, которому тогда было два года от рождения.

Том продолжал:

— А по поводу войны, говоря откровенно, все ужасы ее пошли на пользу спекулянтам, банкирам, заводчикам.

— Может быть ты хочешь сказать, что у нас должно быть то же, что сейчас происходит в России,—вскричал Питер, окидывая противника гневным взором.

Том не растерялся.

— Думаю, что в России не происходит ничего плохого, особенно по отношению к нам, рабочим.

На минуту воцарилась грозная тишина.

— Нельзя ли без агитации.

Ричи Бодсен

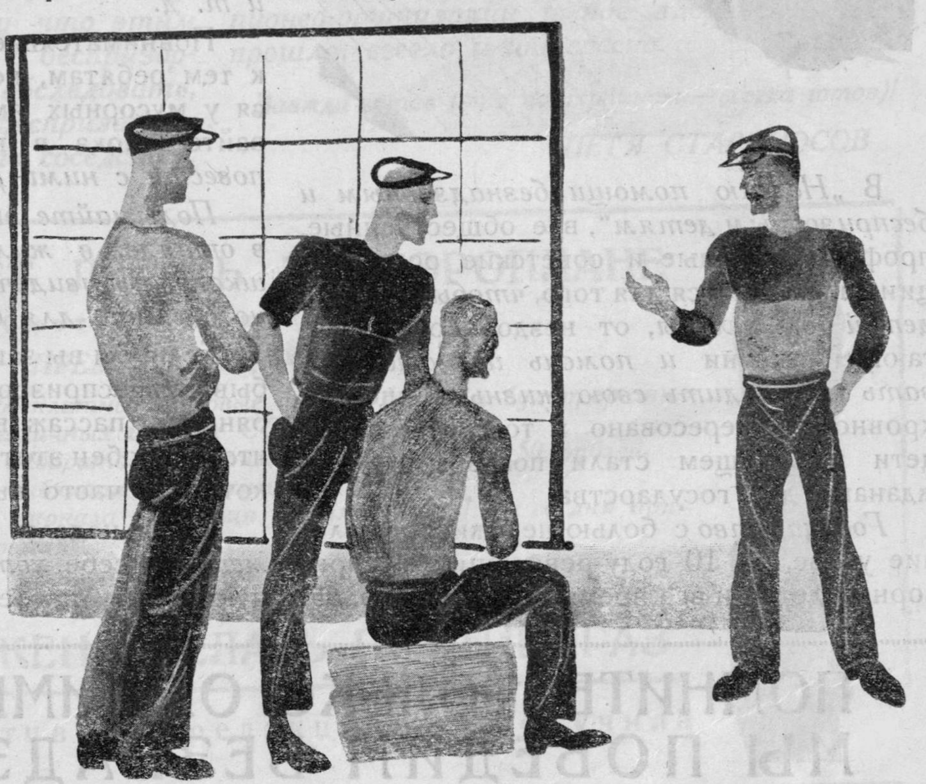
После этого разговора прошли года.

Ричи Бодсен, о котором упоминалось в разговоре, сделался стройным мальчиком и уже 4-й год обучался в школе, построенной из красного кирпича на тихой улице завода.

Война давно окончилась.

Отношения между Питером и Бодсеном ухудшались с каждым годом.

Тому пришлось три месяца просидеть в тюрьме,—«за пропаганду», как говорили на фабрике.

Думаю, что в России не происходит ничего плохого

Ричи не был этим опечален, но он сделался серьезнее. И когда один из учителей намекнул Ричи на его отца, он спокойно ответил:

— Папа велел мне сказать, что никому нет никакого дела до его политических убеждений. То же относится и к вам, господин учитель.

Когда на заседании педагогического совета обиженный учитель поднял об этом вопрос, директор школы возразил:

— Я думаю, что замечание Бодсена имеет основание. Нам, господа, нечего вмешиваться в политические вопросы, тем более, что мы находимся в самом сердце рабочего района. Наше отношение к политике должно быть весьма осторожным.

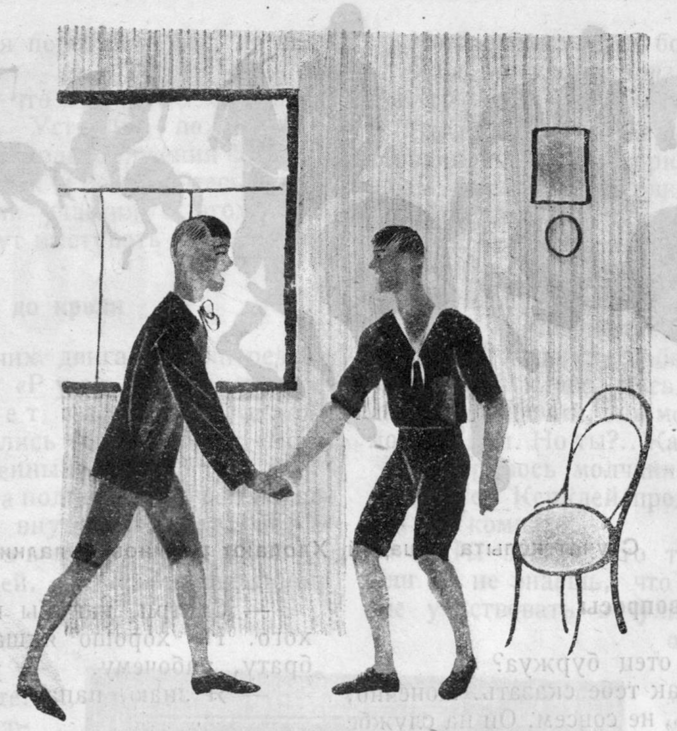
— Это было уже тогда, когда Том Бодсен был выбран единогласно рабочими завода в ревизионную комиссию профсоюза текстильщиков всего района.

Джон Питер не раз заявлял мистеру Керклею:

— Господин директор, Бодсен—опасный агитатор. Этот человек в немецком плену сошелся с русскими большевиками, которые сильно повлияли на него. На фабрике человек с такими опасными взглядами чрезвычайно неприятен.

— Наблюдайте за ним, Питер.

— Слушаю, господин директор.

— Честное слово, поступлю.
— Твою руку, товарищ!

Шаги влево

Автомобиль мистера Керклея повернул за угол тихой фабричной улицы. Была поздняя ночь. Газовые фонари тускло горели. На тротуаре показалась знакомая фигура.

Автомобиль останавливается.

— Это вы, господин Бодсен?

— Да, да, это я.

— Садитесь, я вас подвезу.

— Спасибо, господин директор.

Мистер Керклей сидит рядом с Бодсеном.

— Откуда так поздно?

— С заседания комиссии. Немного затянулось.

— Ну, что вы скажете по поводу того, что во главе парламента рабочий министр—Макдональд? Надеюсь, вы удовлетворены.

— Пока ничего...

— «Пока»... Но, помилуйте, ведь это уже почти коммунизм.

— Я здесь живу, господин директор.

Машина останавливается. Бодсен выходит из купе.

— Между прочим, мой сын Гарри сказал мне, что он на-днях познакомился с вашим сынишкой.

— Ричи.

— Да. Они ходят в одну школу. Я перевел Гарри в рабочую школу при нашей фабрике. Ведь мы живем в демократическое время, этого не следует забывать. Пусть дети наши учатся вместе, привыкают друг к другу. Видите, я рассуждаю, как истинный англичанин, по-демократически.

— До свиданья, господин директор.

Мистер Керклей—демократ

— Отец мой хочет, чтобы я пригласил тебя к нам.

— Спасибо, Гарри. Я приду к тебе, но не сегодня. Сегодня много уроков, а я люблю заниматься дома.

— В таком случае, я пойду к тебе.

— Идем.

Что-то не так...

— Как хорошо у тебя, Ричи. Две маленькие комнатки, маленькая кухня. Здесь лучше, чем у нас. У нас много комнат, но не так уютно. А где твоя мама?

— Мама пошла с папой на митинг.

— Что они делают на митинге.

— Отец докладчик от коммунистов.

— Я еще никогда не был на митинге. Интересно там?

— Очень.

— Захвати как-нибудь и меня. Хорошо?

— Но твой отец будет сердиться.

— Папа? А разве нужно говорить ему об этом?

Мистер Керклей проверяет

— Как тебе понравилось у Ричи.

— Очень. Дядя Том такой интересный человек. Он много работает, читает. Он иногда выступает на митинге.

— Где?

— У коммунистов.

— Ты откуда это знаешь?

— Мне Ричи сказал.

— А ты не был на митинге?

— Нет, нет, не был.

Стучат копыта лошадей. Хлопают резиновые палки

Прямые вопросы

— Ричи, скажи, мой отец буржуа?

— Мистер Керклей. Как тебе сказать. Конечно, он буржуа, но, может быть, не совсем. Он на службе у буржуазии.

— Но если рабочие возьмут фабрику, то он будет служить у рабочих.

— Да, если его пригласят.

— Чудак, разве бывают заводы без директора?

— Это правда.

— Знаешь, мы спросим твоего папу, что он на это скажет.

— Хорошо.

— Ричи, скажи, а я тоже буржуа?

— Ты, конечно, да. Но, если ты хочешь быть пролетарием, то тебе надо дать честное слово, что по окончании 5 классов ты поступишь в комсомол.

— Честное слово, поступлю.

— В таком случае, твою руку, товарищ.

Золотая западня

Ричи был несколько раз у Гарри. Осмотрел его книги, из которых похвалил только две. Рассматривал альбом с образцами сукна.

В пять часов пили кофе.

И хотя Ричи в первый раз в жизни пил такое вкусное кофе, но ему в другой раз не захотелось пойти к Гарри.

— У нас лучше: никто не мешает,—сказал он.— У вас такая хрупкая мебель и так много зеркал. Я боюсь их.

— Ну, хорошо. Давай встретимся у тебя.

Шаг назад

— Ричи!

— Что, папа?

— Что вы делаете у Гарри Керклея? Вы очень подружились, как я вижу.

— Да, мы подружились. Гарри хороший мальчик.

— Смотри, как бы не вышло чего-нибудь плохого. Не хорошо якшаться с господами нашему брату, рабочему.

— Я знаю, папа.

Сверх керклейских расчетов

— Слушай, Гарри, что я хочу тебе сказать. Я знаю, что ты хороший мальчик и не хочу причинять тебе ничего плохого. Но, видишь ли, я—сын рабочего, а ты—сын директора фабрики.

— Ты хочешь этим сказать, чтобы я не дружил с тобой?

— Да.

— Но почему? Или ты не веришь моему честному слову?

— Гарри, видишь ли, твое обещание поступить в комсомол стоит перед большим испытанием. На-днях будет демонстрация против английских капиталистов. Они хотят получить от русских пролетариев деньги, данные ими царю и генералам за то, что они вели войну против Советов.

— Ну, и что же?

— Почти весь наш класс примет участие в этой демонстрации. Ты знаешь, что у нас образовался Союз красной молодежи.

— Я тоже хочу принять участие в демонстрации. Что мы будем делать?

— Нести флаги, разбрасывать листовки, будем петь и кричать: «Руки прочь от Советов!».

— Олл райт! Где мы соберемся?

— Перед школой, завтра, в десять часов.

Демократ Керклей получает приказание

— Мистер Керклей, как мне стало известно, мой завод тоже собирается принять участие в демонстрации. Этого нельзя допустить. Вы знаете, что тот запас сукна на двести тысяч фунтов стерлингов, который остался от мировой войны, я выдал в кредит генералу Деникину. Не думаете ли вы, что двести тысяч фунтов стерлингов я подарю Москве?

— Простите, сэр, что я перебиваю вас, но ведь генерал Деникин...

— Вы хотите сказать, что это не то же самое. Для меня это все равно. Устройте, пожалуйста, господин директор, чтобы в распоряжении фабрики было достаточно полицейских и постарайтесь, чтобы мои рабочие не принимали участия в этом деле. Неужели мои рабочие будут выступать против меня.

Дело дошло до крови

Угрюмые толпы рабочих двигались вперед со знаменами и плакатами: «Русский пролетариат не отвечает за долги царя и генералов». Раздались бодрые слова: «Вставай, проклятьем заклейменный»...

Начальник департамента полиции получает распоряжение от министерства внутренних дел: «прекратить безобразие».

Стучат копыта лошадей. Хлопают резиновые палки.

Флаги наклоняются и падают на тротуар.

— Детей, детей спасайте. Звери! Не видите, дети держат флаги. Звери!

— О-о-о...—И знамя выпадает из рук Гарри. Он попадает под ноги лошадей. Падая, он видит, как на лбу Ричи образуется большая красная полоса... Кровь!

Поиски по телефону

Директор и его жена в отчаянии: где Гарри? Прав был Питер: надо было арестовать Бодсена—причина к этому нашлась бы. Но где мальчик?

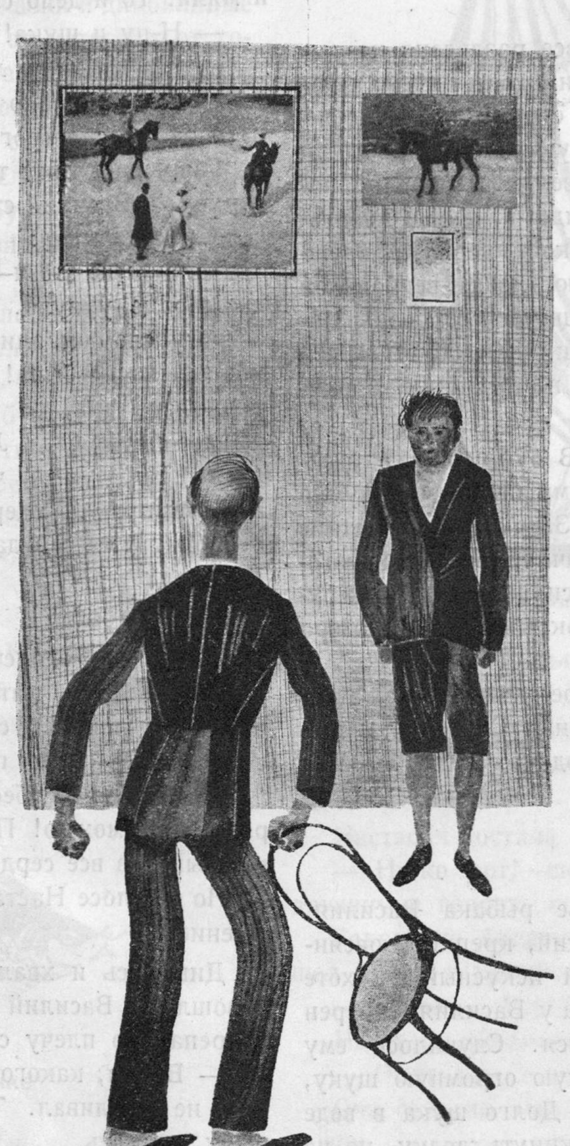
Звонок телефона.

— Мистер Керклей?— Да.—Директор Австралийской мануфактурной компании?—Да. У вас есть сын Гарри?.. Сколько ему лет?.. Он дома?.. В таком случае я прошу выслать за ним автомобиль... Да, он здоров... Немного порван костюм... Молодой мистер получил ушиб... Незначительный...

Гарри привозят в автомобиле к отцу.

— Я хочу поговорить с ним наедине. Пожалуйста, не беспокойся, сказал директор жене.

Остались двое. Мистер Керклей старший и мистер Керклей младший. Оба нервны, оба взволнованы.

Не называй меня папой

Но Гарри кажется более спокойным. Он смотрит на отца, шагающего из угла в угол по комнате. Мистер Керклей чрезвычайно возбужден.

Взгляд мистера Керклея останавливается на разорванной одежде Гарри. Он стоит у стола, на руке шрам, фуражка потеряна. Что об этом скажет лорд если он узнает, а узнает он непременно. Какой позор!

— Как ты попал в эту демонстрацию?

— Добровольно, папа.

— Не называй меня папой. Добровольно! Почему ты не посоветовался со мной или с мамой?

— Но весь класс был там.

— Весь класс. Весь класс мог быть там. Все они дети рабочих, они могут и должны быть на демонстрации. Но ты?.. Как ты мог это сделать?

Воцарилось молчание.

Мистер Керклей продолжает ходить взад и вперед по комнате.

— Ты забыл, что ты сын директора фабрики? Или ты не знаешь, что с твоей стороны преступление участвовать в уличных демонстрациях? Ну, отвечай!

— Папа, ты сам отдал меня в эту школу,—сказал угрюмо Гарри.

— Что он хотел этим сказать, он и сам не знал.

Но отец сразу почувствовал всю остроту вопроса. Его охватили гнев, злоба, негодование. Он подскочил к мальчику и, не отдавая себе отчета в том, что он делает, ударил Гарри по лицу.

— Ты... ты... дур-р-рак!..

Гарри поднял свои серые глаза на отца. На лице его горели четыре красные полосы. Гарри смотрел на отца, прямо в его готовые выскочить из орбит глаза, и не мог оторваться. В первое мгновенье взгляд его выражал удивление. В мозгу его проносились картины одна за другой. Видел окровавленный лоб Ричи. Слезы подступили к горлу.

Из окна было видно, что на улице мерными шагами идет человек.. Гарри узнал его. Это был старый Бодсен. В глазах его стало светлей и на минуту забыта боль. Он поднял голову и, не смотря на отца, вышел из комнаты.

Мистер Керклей хотел остановить его, но Гарри ступал так твердо и решительно. Мистер Керклей онемел. Ему стало ясно, что, крикнув на сына, он потерпел бы неудачу вернуть его он не сумел бы.

В РЫБНОЙ СЛОБОДКЕ...

Рассказ НИК. КОЛОКОЛОВА
Рисунки худ. М. ДОБРОКОВСКОГО

1

По речному берегу раскинулась Рыбная Слободка. Домишки в ней низки, стары. За Слободкой взбегает на гору город; туда рыбаки носят на продажу добычу. А дает добычу—озеро, в которое впадает река.

Широко и глубоко озеро, все разделено на рыбачьи тони. И хоть не размечены тони ничем, а каждый рыбак знает, где место его ловли. Не ошибется, не закинет сеть в чужую тоню. Привыкли рыбаки к озеру больше, чем к земле. И крепко помнят они, когда какая рыба идет и чем ее ловить. Ловят неводом, сетью, наметкой, вершей, крючками, бьют острогой. Различают лещей-вербовиков и лещей-дубинников. Верба цветет—вербовик ловится, дуб распускается—дубинник идет. А лещей в озере—сила! Впрочем, много в нем и щук, и окуней, и плотвы.

Широко и глубоко озеро. В бурную погоду синеет оно и, покрытое курчавыми беляками, шумно взбегает на песчаные берега. Зато в тихие летние дни вода неподвижна и прозрачна, как зеленовато-голубое стекло. Словно выбросившиеся на поверхность большие серые рыбы, покрывают тогда озеро рыбачьи лодки.

И радость, и горе рыбацкое уловом держатся. Улов большой—веселье в Рыбной Слободке, пляс. Мал улов—и в домиках слободских тихо, и лица у всех хмуры.

2

Гаврюшка родился в семье рыбака Василия. Василий—чернобородый, высокий, крепкий, овеянный озерным ветром и самый искусный в охоте на рыбу с острогой. Верна рука у Василия, и верен глаз—никогда не промахнется. Случилось ему однажды острогой ударить такую огромную щуку, что едва она его не утопила. Долго щука в воде возилась, рвалась, грозя опрокинуть лодку, но не выпустил Василий острогу из рук, принес добычу домой.

Было это, когда Гаврюшке исполнилось уже пять лет.

Лежала щука на траве перед васильевой избой, окруженная любопытными, собравшимися со всех концов Слободки. Ее переваливали с боку на бок и мяли. То и дело слышалось:

— Н-ну и щука! Как есть—бревно!

— Не щука, а лощадь!

— На нее, ровно на медведя, с рогатиной надо бы итти, а не с острогой.

Гаврюшка тоже трогал щуку и даже сел на нее верхом, а Василий стоял рядом, курил трубку и весело рассказывал:

— Смотрю это я—стоит... глыба-глыбой! У меня аж сердце ухнуло. Бить ай нет? Такая, раз-раз, острогу сломает али самого на дно упрет. Ну, думаю, была не была! Бац! Тут как тут, попал. Как рванулась она, да как пошла меня возить... батюшки-светы, беда! Лодка туда-сюда, только брызги летят. Ну, думаю, что хочешь делай, хоть лопни, а не выпущу. Удержал-таки! Устала под конец, ослабла. А уж и задала она мне жару—ровно в бане побывал!

— Еще бы!

— Нужно одолеть эдакую.

Гаврюшкина мать, Настасья, стоя в стороне и слушая похвалы своему мужу, смотрела на него с уважением и с гордостью и говорила:

— Какой ты бесстрашный, Василий Митрич, разве так можно! Поедешь ты на озеро—у меня каждый раз все сердце выболит.

Но в голосе Настасьи звучала похвала, а не осуждение.

Дивились и хвалили щуку долго. А когда все разошлись, Василий перенес добычу в избу, и здесь, потрепав по плечу сынишку, сказал:

— Видал, какого зверя отец словил? Никто таких не лавливал. Теперь осталось только чудо-рыбу поймать.

— Какую чудо-рыбу?—спросил Гаврюшка, царапая ногтем отцов сапог, пахнувший дегтем.

— Ну, какую, какую,—засмеялся отец.—Много будешь знать—скоро состаришься. Вот поймаю—тогда увидишь.

— А скоро поймаешь?

— Надо быть—скоро.

Настасья взглянула на мужа недоверчиво и как будто тревожно.

— Василий Митрич, неужто всамделе чудо-рыбу высмотрел?

— Не высмотрел—так высмотрю,—сказал Василий.—Ну, давай есть теперь, вот что.

Гаврюшка снова попробовал расспросить отца о чудо-рыбе, но ничего не добился.

— Ешь, вот, уху,—сказал отец.— Не любопытничай.

3

Гаврюшка любил слушать сказки и диковинные рассказы. Много их слышал он от матери и от городской нищенки Феклы, заходившей иногда в Слободку. Все необычайное, невероятное влекло его. Он любил мечтать о волшебных странах, о небывалых людях, зверях и птицах. Если Гаврюшка слышал начало рассказа о чем-нибудь необычном, то не мог успокоиться, пока не узнавал, чем рассказ кончается.

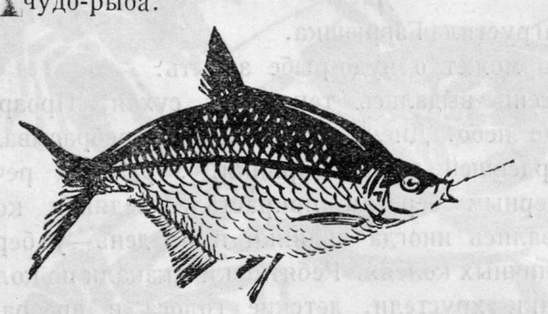
Ребятишки рыбацкие, бывало, затеют возню, игры, или побегут на речную мель гольцов ловить. Из-за раковинки какой-нибудь поднимут гвалт, смех, визг—на всю Слободку: будто не раковину нашли, а диво-дивное. Трехлетки—и те с ними увяжутся. А Гаврюшка в это время сидит на заваленке один и о чудесах разных думает. Неинтересны ему и раковины, и гольцы, и камешки разноцветные.

Кричит ему детвора:

— Гаврюшка-а, иди сюда-а!

А он и ухом не ведет, будто не слышит.

После разговора с отцом Гаврюшке не давала покоя чудо-рыба.

Карась на удочке

4

Над озером красными прядями повис закат. На зарозовевшей воде темными пятнами намечались лодки. Кричали рыбалки, белой стаей осыпавшие берега.

В Слободке было тихо. Пахло рыбой. На шестах и изгородях сушились сети. На берегу реки валялась чья-то изломанная верша.

Настасья возвращалась из города, с базара, с корзиной. Рыбы в корзине не было: всю продала рыбачка. К прутьям присохли потускневшие рыбьи чешуйки. Шла Настасья быстро и весело.

Верша идет вверх

С ветхого крыльца навстречу ей сбежал Гаврюшка.

— Мам! Мам! Мам!—кричал он на-бегу, подпрыгивая, и через минуту ткнулся головой в мамкины колени.

Настасья достала из корзины баранку.

— На-ко вот!—сказала она и, поцеловав Гаврюшку в голову, пошла к крыльцу.

Гаврюшка баранку взял, но есть не стал. Он шел рядом с матерью и просил:

— Ма-ам!.. Расскажи про чудо-рыбу. Ма-ам!

Настасья остановилась.

— Опять про то же! Ну, ну, что с тобой сделаешь.

Она села на заваленку. Гаврюшка пристроился рядом.

— Говорят, живет эта рыба под землей, в подмоине, что на три версты от озера в сторону идет.

Мимо щука плыла голодная

Где подмоина эта—никто не знает; ну только старики говорили, что она есть. Живет рыба эта, может, тыщи лет, и в губу ей золотое кольцо продето. А кольцо-то продел колдун древний Бурга. Наложил на нее Бурга заговор: выходить в озеро раз в сто лет. А другой заговор—чтобы была ей буря защитницей, чтоб волны со всех сторон кидались на того, кто ловить ее станет. Зато какой рыбак ее словит, тому никогда из озера пустых сетей не вынимать. Полюбит его рыба всякая.

— Мам... а какая она из себя, чуда-то?—замирая, спросил Гаврюшка.

— Рыба, как рыба, только глаза светятся, ровно звезды, да плавники—чистого золота.

— Мам... а поймает ее тятька-то?

— Поймает, поймает,—пообещала мать, чтоб поскорей отделаться от расспросов сынишки.—Коли уж сказал, так непременно поймает.

Она встала с завалинки, захватила корзину и пошла в избу.

5

С этого дня только и дум у Гаврюшки было, что о чудо-рыбе. К отцу каждый день приставал:

— Тять, а тять, скоро чуду-рыбу поймаешь?

— Скоро, скоро,—отмахивался Василий.

Сам рыбак в чудо-рыбу не верил. Упомянул тогда о ней только ради шутки. И Настасье после сказал, что пошутил.

А Гаврюшка ждал чудесного улова.

Прошла весна, проходило лето. Осень близилась.

Чудо-рыбы не было.

Ребятишки слободские играли в мяч, в чижа, звали Гаврюшку:

— Гаврюшка, иди к нам!

— Али заснул?

— Про что думаешь?

Не отвечал Гаврюшка. Сидел один на завалинке или в избе. А когда отец возвращался с рыбной ловли, мокрый и пахнущий озером, мальчик бросался к нему:

— Тятя, принес чудо-рыбу?

Отмахивался Василий:

— Нет, нет. Подожди еще немного.

Потом отцу надоело постоянно слушать эти вопросы мальчика, и однажды он сказал:

Вот что, Гаврюшка, брось ты про эту чудо-рыбу думать. Нет ее! Пустая сказка это. Пошутил я тогда. Давай-ка, вот, лучше налима есть.

Но Гаврюшка не стал есть налима. Он вдруг горько-горько заплакал. Очень обидно было, что нет чудо-рыбы! Так хотелось верить, что отец поймает ее!

6

Загрустил Гаврюшка.

Не может о чудо-рыбе забыть.

Осень выдалась теплая и сухая. Прозрачно синело небо. Днем легкий ветер перебрасывал по затвердевшей земле соринки. Утрами к речным и озерным берегам прирастала ледяная корка. Оставались иногда льдинки и на день—у берегов и в уличных колеях. Ребятишки скакали по колеям, льдинки хрустели, детские голоса в прозрачном воздухе разносились звонко.

Гаврюшка не выходил на улицу. Целые дни проводил он дома—то на печке, то на лавке.

— Погулять сходил бы, Гаврюшка,—скажет ему мать.

Не хочется,—ответит он коротко и недовольно.

Что там на улице? Ребятишки, льдинки, голые рябины, дрозды. Все это такое обычное, простое. А Гаврюшке хотелось волшебного, чудес каких-нибудь.

Сидел дома—худенький, грустный. Настасья беспокоиться стала: что с сынишкой. Сказала Василию:

— Чудной какой-то Гаврюшка у нас. С ребятишками не гуляет, все о чем-то думает.

Василий к сыну:

— Ты чего сычом смотришь?

Захныкал Гаврюшка:

— Принеси мне чудо-рыбу!

— Вот-те и раз, —развел руками Василий.— Где ж я ее возьму для тебя?

— В озере.

Покачал Василий головой, почесал затылок и сказал, махнув рукой:

— Ну, ладно! Принесу завтра.

Гаврюшка соскочил с лавки, взвизгнул и запрыгал с радости на одной ноге.

7

На другой день Гаврюшке с утра не сиделось на месте. Все время сновал, как челнок,—то из избы, то в избу. Тормошил Настасью:

— Мам, а мам, скоро ли тятя чудо-рыбу принесет?

— Да отстань ты от меня, Гаврюшка, мешаешь,— отмахивалась мать, шевеля кочергой в печи угли или потроша окуней для копчения.

Гаврюшка раз двадцать выбегал на слободскую дорогу—посмотреть, не идет ли отец.

Наконец, Василий возвратился с озера, озябший, но веселый. Огромная холстинная сумка полна была рыбы.

Гаврюшка бросился к нему.

— Тятя, тятя!... А чудо-рыбу поймал?

— Поймал, поймал... погодь чуточку.

Василий вошел в избу, опустил на пол сумку, достал из нее большого налима и плюхнул его к ногам Гаврюшки.

Рак хвать его клешней за губу! Щука налетела, хапнула зубами, откусила хвост налимий

— Вот тебе и чудо-рыба... Хороша?

Гаврюшка бросился было к налиму, но тотчас, огорченный, воскликнул:

— Так у ней глаза не светятся!.. И кольца нет!.. И плавники не золотые! Как есть—налим!

— Хоть и кольца нет, и глаза не светятся, а рыба прямо чудесная... Хочешь—расскажу тебе про этого самого налима?

Но Гаврюшка не хотел слушать и собрался плакать. Василий все же усадил его к себе на колени и стал рассказывать:

— Жил, скажем, налим этот в озере, под коряжиной донной. А рядом, в берегу, раки жили—в норах. И захотелось налиму в нору рачью заплыть. Только башку в нее сунул рак, что в норе сидел, озверился — хвать его клешней за губу! Налим назад. Ан, жабры растопырились, башка застряла—ни туда, ни сюда. А мимо норы щука плыла голодная. Видит—торчит из норы хвост налимий, колышится в роде рыбки. Самого налима не видать. Так и подумала щука: стоит у берега рыбешка малая. Налетела, хапнула зубами—откусила хвост налимий. Налиму кричать впору, да где тут: не дано рыбе голосу.

Гаврюшка сполз с отцовых колен, склонился над налимом и воскликнул:

— Тятя, тятя! Правда—хвоста нет. И губа будто прострижена!

— То-то я и говорю. Ну, ладно. Слушай дальше. Ворочал-ворочал налим башкой, да и вывернулся из норы. Рак отлип, в нору брякнулся. Поплыл налим бесхвостый под свою корягу. А там плотвы набралось больше десятка. Только, как подошел он, брызнула плотва в разные стороны, куда глаза глядят! Ладно, встал налим под корягу. День стоит, другой, третий. Солнце светит—в воде зелено, буря найдет—сине, ночка падет—черно. Стоит налим, и есть ему под конец захотелось. Выплыл он опять из-под коряги, пошел по дну к мели. Видит—лягушка впереди, тоже по дну пробирается. Увидала налима—кверху скорей. Налим—за ней. Только глотнуть собрался—ботнулось сверху что-то серое, толкнуло налима в нос и лягушку слопало.

— Чевой-то, тятя? — спросил Гаврюшка, глядя на налима, который начинал теперь интересовать мальчика.

— А вот угадай—чего. Не угадаешь? Утка. Утка, мил-человек!

Василий закурил трубку и продолжал:

— Поплыл дальше голодный налим. Видит—рыбка, в роде уклейки, уткнулась в песок носом и поигрывает этак хвостиком легонько. Подкрался налим—цап! Да чует—во рту невкусно что-то, глотать не охота. Выплюнул, ан листок ивовый это, а не уклейка.

— Ишь ты!—вырвалось у Гаврюшки, который слушал теперь очень внимательно.

— Да-а. Нечего делать, дальше плывет. К реке из озера потянулся. Глядь—впереди что-то черное, в роде куста, и с лазейкой. Полез налим: тут нет ли чего? Только влез—ткнулся носом в кусочек мяса. Смолол. Нашел еще кусок—тоже смолол. Потом лег на брюхо—отдыхать. Только чует: есть рядом еще кто-то. Пригляделся, а напротив него щуренок задорный, до драки охочий. Налиму после еды спать впору, а щуренок разлетелся, да как долбанет его носом в бок, да как куснет! Вертится налим так и эдак, а щуренок его клюет, клюет...

Гаврюшка опять сполз с отцовых колен и осмотрел налима.

— Верно, тятя, все бока искусаны...

— А про что же я говорю? Ну, ладно. Колотит его щуренок. Вдруг куст качнулся, да и стал подниматься кверху. Испугались оба. Тычутся туда-сюда, а выхода нет. А куст идет себе кверху и идет.

— Тятя, это верша?—догадался Гаврюшка.

— Ну, да, чудачок, верша. А тянул ее я. Вот тебе налим, а в мешке щуренок.

Гаврюшка несколько мгновений смотрел на налима и проронил:

— В роде сказки...

— Во-во! А ты чудо-рыбы захотел. Если хочешь знать, так и пескарь чудо-рыба. Вот я тебе в другой раз про пескаря расскажу.

— Тятя, тятя, расскажи сейчас!

— Нет, брат, хватит пока. Мне за дело нужно приниматься.

8

Гаврюшке в эту ночь снилось, будто попал он на дно озера. Вода в озере зеленая—значит, наверху ясный день, и дерутся в зеленой воде щуренок с налимом. А кругом плотва плавает, смотрит. Бросился Гаврюшка разнимать драчунов и проснулся.

В избе было темно.

На печи густо храпел отец.

9

Василий часто стал рассказывать Гаврюшке про рыбью жизнь, и Гаврюшка слушал его с удовольствием.

А подрос Гаврюшка да стал с отцом на озеро выплывать—забылись вовсе и чудо-рыба, и все сказки. Когда поймал мальчик впервые крупного леща—вербовика—показалось ему, что лучше и чудесней этой рыбы и нет нигде, и не выдумать!

Ребята побежали к озеру

ИВА МАЛЕНЬКОГО ОЗЕРА

Очерк Л. ЛИХАС
Рис. М. ГОРШМАНА

Утро занималось ясное. Туман над озером рассеивался и таял, поднимаясь к серым грядкам низких облаков. Была ранняя весна, и земля развороченная, как бы взлохмаченная со сна, ждала пахаря. За холмами, у самого озера, раскинулась деревушка Санг-Сан. Низкая, каменная, обмазанная глиной и известкой стена скрывала беспорядочные ряды фанз и кое-где торчащие чахлые деревца.

Деревенское утро началось.

Из раскрытых дверей крайней фанзы выскочило двое ребят с корзинами и бегом, вдоль поля, густо заросшего гаоляном (гигантское просо) понеслись к озеру. Здесь, засучив штаны, они сгребали речной ил со дна, заросшего осокой, озера и наполняли им корзины. Прибежавшая вслед за ними маленькая Лю-Лио-Си относила эти корзины на поле к отцу, который удобрял землю этим илом. Солнце уже стояло высоко, когда их работа была закончена, и, выкупавшись в грязной взмученной воде озерка, дети возвращались обратно.

— Вон идет старая Чжан-Сю-Ин,—показал Най-Ши на старуху, которая ковыляла, осторожно переставляя свои искалеченные обрубки ног.

— К нам?—воскликнула в страхе маленькая Лио-Си.

Отвратительная старуха с повязанным вокруг лба грязным желтым платком, оставлявшим неприкрытым плешь на ее темени, действительно направилась к воротам бедняка Лю. Отец уже был дома, собираясь сесть за скудный чэй-фан (обед). Низко кланяясь и льстиво приветствуя его, старуха подсела к нему на низкий кан [1]. Дети не осмелились войти в дом и не слышали происходившего разговора, но они знали, что дело идет о Лио-Си, которую старуха уже давно собиралась купить у ее отца.

— Мякина—не хлеб: девочка—не подмога,—убеждала его хитрая старуха.—Долго ли будешь ее кормить и растить? Выйдет замуж—свекру рабочие руки. Не лучше ли тебе выручить за нее малую толику? Расплатишься с жадюгой Ван-Тин... Не хочешь ли ты, чтобы

В фанзе

[1] Кан — низкие нары в роде лежанки

БОЛЬШАЯ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ СТРАНИЦА

Наши постоянные читатели должно быть уже забыли про отдел «Со всего света», поэтому редакция решила напомнить о нем, и не одной страницей, а двумя, и не в конце журнала, а в самой середке.

Только что прошла Международная Детская Неделя. По всем пионерским отрядам собирается интернациональная копейка, недавно приехали к нам германские ребята, болгарские ребята, международная связь рабочих детей всего мира крепнет.

На этих двух страницах мы попытаемся собрать представителей пролетарских и угнетенных детей всех народов.

Вот негритенок, посредине над большой фотографией,—знакомая картина. Ее можно увидеть на улицах и у нас. Парень играет очевидно в свою негритянскую орлянку на Нью-Йоркской улице. Не так ли играют наши неорганизованные?

Большая фотография в самой середине изображает то, чего у нас становится все меньше и меньше. Отчаянная нужда назойливо лезет в глаза. Большинство пролетарских детей в Германии живет в такой нужде, корую мы с вами знали только в голодные 1919 и 20-е годы. В Германии живут аккуратнее и опрятнее, чем у нас, и на самом голодном рабочем или его ребенке всегда воротничек и часто галстук, и уж во всяком случае их потрепанная одежда всегда вычищена и обдернута. Не плохо бы нам с вами этот хороший пример перенять. На этой же фотографии дети дошли до такой степени нужды, что выглядят совсем не щеголевато.

Рядом, справа, немецкий мальчик, на спине которого явственно видны следы от ударов, полученных им в школе. Исполосованные тупоголовыми учителями спины, избитые линейками ладони—не редкость в немецкой школе. У ребят это вызывает ненависть к школьным порядкам в буржуазной стране.

Теперь о Китае. Мы сравнительно много о нем писали. Много материала было и в специальном китайском номере и в других. Писали мы о китайских пионерах. Тогда мы имели мало сведений о них. Мы знали, что движение растет, но не могли предполагать, что у пионерской организации в Кантоне хватит сил на многотысячную демонстрацию по улицам города. Об этом недавно промелькнуло сообщение в газетах.

Странную картину представляли должно быть оборванные ребята, организованно проходящие по улицам. Странную потому, что китайские улицы видели демонстрации гоминданских скаутов—хорошо одетых с галстуками и посохами.

Передают, что на одной из демонстраций скауты начали издеваться над пионерами. Нарядные скауты начали высмеивать плохо одетых ребят.

Завязалась драка. Мы не знаем, чем она кончилась. Но то, что преследуемые пролетарские ребята дали отпор скаутам, которых поддерживает изменник революции, генерал Чай-Кай-Ши, говорит о том, что китайские пионеры крепнут и растут. Вот такие оборвыши, которых вы видите на фотографии, твердо знают, с кем и за что им нужно бороться.

Направо внизу афганистанские ребята. Они вооружены настоящим оружием. Афганистан—маленькая страна, затерянная между Узбекистаном и Индией. Английская буржуазия протянула и туда свою лапу, и долгое время Афганистан был в полной зависимости от Англии до 1919 г., когда он сбросил английское владычество и заключил союз с Советским Союзом.

Выше—молодой марокканец. Ему лет четырнадцать всего, но и он должно быть уже держал в руках ружье и не только держал, но и применял его в действии. Поднимемся выше, над марокканцем — ирландские ребята. Ирландия—это часть Британской империи и притом — угнетаемая часть. Ирландский крестьянин — чуть ли не самый бедный крестьянин в мире.

Еще выше—немецкая девочка на улице Берлина. Вглядитесь в эту фотографию хорошенько. Впрочем и так видно, что эта изнуренная девочка нагружена тяжестью, которую вынести может только сильное животное. К тому же она не только грузчик, а еще и нянька. На ее обязанности опекать и охранять младшую сестру.

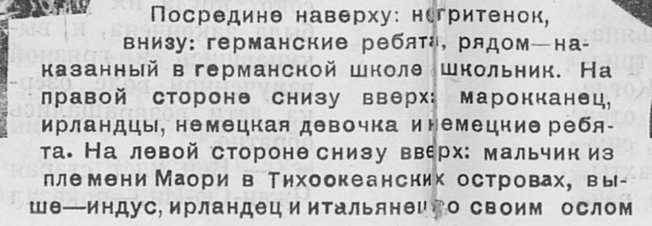
Ослик на левой стороне страницы свободен от поклажи и очевидно весел. Впрочем, трудно разобрать что-нибудь на его невозмутимой морде. Мы его поместили, конечно, не потому, что он угнетенный ребенок, а потому, что он имеет прямое отношение к своему хозяину—итальянскому пареньку, который находится тут же над ним.

В Италии коммунистическое детское движение разгромленно совершенно фашистами. Кое-где сохранились небольшие искорки от большого костра, затоптанного фашистскими сапогами. Фашисты всячески помогают своей детской организации «милиция Балилла». Немногочисленные преследуемые пионеры осторожно обрабатывают детей рабочих, которые попали в милицию Балилла.

Ниже—индус. В дикой и неестественной позе заставляют сидеть этого парня религиозные изуверы. Мальчику выламывают кости невежественные индусские жрецы, которые проповедуют отшельническую жизнь.

Все эти ребята ждут нашей помощи — наши писем, наших интернациональных копеек. Помните это, ребята!

Китайчата за едой

Посредине наверху: негритенок, внизу: германские ребята, рядом—наказанный в германской школе школьник. На правой стороне снизу вверх: марокканец, ирландцы, немецкая девочка и немецкие ребята. На левой стороне снизу вверх: мальчик из племени Маори в Тихоокеанских островах, выше—индус, ирландец и итальянец со своим ослом

Вооруженные афганцы

тебя постигла участь Чжан-Ху, у которого толстый Ван-Тин забрал участок за просроченный долг! Не думаешь ли ты, что Ван-Тин—ростовщик—будет к тебе милосерднее?!

Так пела старая скупщица, и бедняк Лю не в состоянии был устоять перед ее доводами. Сделка состоялась, и участь Лио-Си была решена.

Вечером того же дня, еще до захода солнца, Лио-Си в числе других детей понуро брела по узкой тропинке, ведущей к станции железной дороги. Их сопровождал высокий горожанин в засаленном шелковом халате и грязной атласной шапочке с черной кисточкой, который приехал из города, чтобы набрать детскую рабочую силу. Ему старуха Чжан-Сю-Ин перепродала детей.

Когда крутой поворот тропинки вдруг открыл перед глазами детей их родную деревушку и озеро, залитое вечерним светом, дети на минуту застыли на месте.

— Эй, вы, грязные ящеры! — закричал их спутник. — Поворачивайтесь, да поживей! Черви!

Не удержавшись всхлипнула Лю-Лио-Си — отломленная ива родного озера.

(Лю-Лио-Си—по-китайски значит—«Ива маленького озера»).

Вдали от родины

Поезд быстро мчался мимо холмов, зеленеющих полей, озер и речек, мимо деревушек, окруженных насыпями могил, мимо бамбуковых рощ, низких зарослей тростника. В вагоне, битком набитым пассажирами, было душно, и тяжелый запах пропотевшей одежды смешивался с острым запахом чеснока. Дети, прикурнувшие в углу, задремали и опомнились лишь тогда, когда разбуженные грубым толчком, поняли, что им пора выходить. С любопытством смотрели деревенские ребята на открывшуюся перед ними длинную улицу, по которой, низко нагнув голову, быстро бежали рикши, сновали разносчики, скрипели тачки. Подозвав двухколесную тачку, скупщик усадил детей, сам уселся впереди, и экипаж, подталкиваемый тачковозом, двинулся по узеньким менее оживленным грязным уличкам, направляясь в отдаленную часть города.

Около одной из почерневших от дыма и копоти фанз скупщик приказал остановиться. Грязная старуха вышла из раскрытых дверей и ввела детей в лачугу. Хотя на улице еще было светло, но в фанзе, не имевшей ни одного окна, было темно, как в яме. Напрягая зрение Лю-Лио-Си нерешительно ступила вперед и вдруг в испуге отшатнулась. Она наступила на чье-то тело. Тряпки на полу зашевелились, и несколько детских голов поднялось с лохмотьев, на которых они спали. В углу тлели угли в жаровне и при этом свете Лю-Лио-Си разглядела нары, приготовленные для новоприбывших. Уставшие и ошеломленные новыми впечатлениями товарищи Лю, вслед за нею, взобрались на эти низкие нары и заснули, как убитые. Рано утром они поднялись от шума и возни, которую подняли проснувшиеся раньше их юные обитатели этой лачуги. Это были жалкие оборвыши, встрепанные и исхудалые, которые торопились на фабрику. Старуха подала на сундук, служивший столом, чашки с бобами, остро приправленными чесноком и луком, и дети, стоя, спешили проглатывать свой скудный завтрак. Вдруг, старший из них, высокий, болезненного вида, кореец лет 12-ти злобно бросил чашку на пол:

— Опять червивые бобы, чей-ху (бесстыдная женщина)! — воскликнул он.—Ты нас собираешься отравить, злая ведьма!—и крепкая ругань повисла в воздухе.

Ребята сгребают ил со дна озера

Покончив с едой, дети гуськом вышли и скоро исчезли из виду.

В тот же день скупщик отвел Лю-Лио-Си и ее товарищей на спичечную фабрику. Лю, вместе с двумя другими, досталось склеивать спичечные коробки.

Лю работа показалась нетрудной, но к концу дня она испытывала немоту во всех членах, а пальцы совершенно отказывались сгибаться.

Поздно вечером дети снова собрались на своих подстилках, и бойкий Джу-Тэн-Жен захотел познакомиться с новыми товарищами. Лю-Лио-Си рассказала свою коротенькую, нехитрую историю, а толстый Чжан, ее сосед, заявил, что ему не стоит рассказывать, так его участь целиком сходна с судьбой Лю. Настала очередь старых обитателей этого жилья рассказать свою повесть.

Бодро вел свой рассказ задорный Джу-Тэн-Жен.

Отец Джу работал на руднике близ Ханьяна. Тяжелая работа. Отец постарел и сгорбился к тридцати годам. Мать возилась с огромной семьей. Когда ему, старшему в семье, исполнилось семь лет, отец повел его с собой в копи, дал молот в руки и, спустившись с ним в темную дыру колодца шахты, усадил его возле себя, показав, как молотом раз-

рыхлять мягкую породу. От духоты и жары в шахте мальчик потерял сознание. Несколько дней под ряд отец выносил его бесчувственным из шахты, но лишить семью нескольких коперов, которые уже мог заработать мальчик, он не смел. Обвалом в шахте задавило его отца. Мать с семьей перебрались в город, чтобы найти работу себе и детям. Джу-Тэн-Жен попал в портняжную мастерскую.

Там с другими десятью подмастерьями он гнул спину с утра до вечера над длинным столом с иглой в руках, не видя света, слепя глаза над кропотливой работой. Оттуда Джу бежал, долго бродяжничал с странствующим музыкантом, но полуголодная жизнь заставила его искать другой работы.

— Я знаю,—громко заявил Джу-Тэн-Жен,—что Шаю-Чуй-Цзи (низкорослый дьявол) — надсмотрщик—не осмелится больше нас избивать. Скоро мы выгоним Ян-Чуй-Цзи (иностранных дьяволов).

Так сказал мне старый Чуан-Чан-То, а он знает, что говорит. Я сам был на улице, когда рабочие нашей фабрики вышли с флагами и громко кричали: «Мы не хотим, чтобы нас избивали! Та-го Ян-Чуй-Цзи» (Долой иностранцев!) А Чуан-Чан-То, став на возвышение, обратился к рабочим с речью. Он говорил, что рабочие должны бороться за свои права.

«Когда я вырасту,—с разгоревшимися глазами, закончил Джу,—я тоже пойду на улицу с флагами. Чуан-Чан-То говорит, что и дети должны бороться. Я хочу быть таким же смелым, как Чуан-Чан-То.

Живой и смелый Джу понравился Лю-Ми-Си, и скоро между ними завязалась тесная дружба. Поздним вечером возвращаясь домой, Лио-Си, несмотря на огромную усталость, всегда поджидала Джу. Он приходил позже, оживленный и возбужденно рассказывал ей о волнениях среди рабочих, о тревожных случаях, распространяющихся по городу, о наступлении революционных войск и об арестах рабочих. Лио-Си слушала с затаенным дыханием. Она уж испытала на себе побои надсмотрщика, штрафы, вычеты из заработка, и ей многое стало понятно. Иногда Джу тайком показывал Лио-Си красные листовки, которые он прятал под подстилкой. В них,—говорил он,—«написано то, о чем говорит Чуан-Чан-То».

Однажды Джу вернулся позже обычного, когда уже все спали. Он был не один. Осторожно ступая, стараясь не произвести шума, следом за ним шел сутулый рабочий с узелком в руке.—«Чуан-Чан-То!—шопотом произнес Джу, растолкав Лио-Си и указывая ей на темную фигуру рабочего.—Его хотят арестовать. Но он будет жить у нас: здесь его никто не найдет».—Лио-Си очистила место возле себя, помогла рабочему устроиться и долго после этого не могла уснуть от роя новых мыслей, нахлынувших на нее. На другой день старуха, заметив гостя, заворчала, но Джу и кореец, посвященный в тайну, пригрозили ей, заставив замолчать.

Странствующий музыкант

Три дня прошло спокойно. Рабочий целые дни не выходил из фанзы, а ночью, когда все засыпали, с помощью Джу и Лио-Си рвал и сжигал какие-то бумаги, а книги принесенные им в узелке, они зарыли в углу фанзы. Но на четвертый день поздно ночью раздался громкий стук в дверь. Тут же дверь слетела с петель, и трое полицейских ворвались в фанзу. Двое из них стали у двери, а третий, держа в руке фонарик, тускло осветивший внутренность фанзы, направился прямо к тому месту, где лежал Чан-То. Ударив прикладом не успевшего опомниться Чан-То, полицейский приказал ему немедленно подняться. С ужасом следила за этой сценой спрятанная под лохмотьями Лио-Си. Вдруг, схатив тяжелую глиняную чашку, стоявшую возле изголовья, она с силой бросила ее в голову полицейского, сама же, прыгнув, вцепилась ему в руку, стараясь выбить из его рук фонарик. Это послужило сигналом для Джу и корейца, которые уже давно подползли ближе, и в эту минуту накинулись сзади на полицейского. Тот, оглушенный, не ожидавший нападения, выронил фонарь. Фанза погрузилась во тьму. Воспользовавшись минутным смятением, Чан-То быстро скользнул к двери и выпрыгнул, оставив полицейских ловить друг друга в темноте.

Долго не выпускали дети полицейского, яростно отбивавшегося от их острых ногтей и зубов. Наконец, вырвавшись, он бросился вслед за другими вдогонку Чуан-Чан-То. Но того и след простыл.

Китайченок за едой

ЗА ПОТЕРЯННОЙ ДОЛЕЙ

Очерк Л. ШНАЙДЕРА

Фото А. ШАЙХЕТА

1. На улице

Смоленский бульвар. Сенная площадь.

Люди толпятся, движутся туда и обратно, лошади ржут, газетчики орут во всю глотку...

Если вы пойдете по бульвару с правой стороны к Арбату, то обязательно пройдете мимо двухэтажного здания из красного кирпича. В этом здании помещается детночлежка СПОН'а (социально правовая охрана несовершеннолетних).

Перед домом, особенно когда тепло, толчется целая ватага беспризорных. Они то забегают в дом, то выбегают на улицу к рынку, в трамваи и, выстукивая деревянными ложками, распевают:

Раз-вя-жите мои кры-лья,
Дай-те волю поле-тать.
Я заброшен-ную до-лю
Начну теперь о-пять ис-кать.

— Беспризорному подайте копеечку...

Тянет его, тянет к этому делу, точно клещами захватывает.

Заведующий ночлежкой жалуется.

— Место наше очень скверное. Нам бы улицу тихую, спокойную, где ни шуму, ни рынков, ни трамваев. А как его здесь удержишь, когда перед носом столько соблазнов?

Трудно, очень трудно...

2. День в ночлежке

Давайте побудем один день в ночлежке и посмотрим, как его проводят беспризорные.

Итак, начинаем...

Утро. В ночном отделении шум, гам... Ребята поднимаются с нар, вытряхивают свое «барахло» и надевают на себя.

— Эй, ребята, умываться...

У умывальника уже большая очередь. Толкаются. Каждый хочет пролезть вперед раньше другого, и педагогу приходится беспрерывно восстанавливать порядок.

— Куда лезешь?..
— Пшла вон, здесь моя очередь!..
— Павел Николаевич, куда этот глот лезет.

Умываются почти все. Правда, есть и такие которые совершенно не желают умываться.

— Не хочу.
— Но почему же ты не хочешь?
— Не хочу.
— Смотри, на тебе грязь коркой лежит.
— Не хочу.

Педагог каждое утро настаивает на своем, пока неряха не сдается.

Ребята разливают суп

В художественно-малярной мастерской

А один раз умывшись и познавши всю приятность чистоты, он входит во вкус и в результате даже начинает лезть без очереди, чтобы первым умыться.

После умыванья—чай. Здесь тоже спешка.

— Ребята, кто хлеб спер?..

Молчание.

— Кто утащил? Сознайтесь, черти!..

Напрасно. Хлеб пропал, как в воду канул. Завтрак продолжается...

После завтрака ребята отправляются в дом дневного пребывания.

Сапожная мастерская. Здесь все ребята «тяжелые»,—«тяжелая шпана», как их здесь называют. Это те, кто наиболее засосан улицей, пьянствует и нюхает кокаин. Сапожное ремесло, тем что оно дает специальность и верный заработок в руки, они ценят. Бывало так, что самые «тяжелые» втягивались в сапожное ремесло, увлекались им, гордились своими успехами и, благодаря всему этому, отрывались от улицы. Когда такого паренька переводят в коммуну, он первым делом справляется: «А там есть сапожная мастерская?» Если нет, так он туда не пойдет.

Двигаемся дальше... По лестнице наверх, и вот мы уже в читальне.

Тихо. Шуметь строго воспрещается.

За длинным столом в живописных позах расположились ребята. Здесь книги читают с упоением, взасос,—прямо пожирают ее. Главным образом любят революционные приключения и сказки.

Здесь в читальне есть своя группа постоянных посетителей—«любителей чтения». Они следят за книгами, выдают их, следят за порядком и т. д.

Как-то был чрезвычайно любопытный случай. Однажды в читальню пришел новичок. Получив книгу, он разбаловался и порвал ее. Возмущенные этим ребята потребовали самого сурового наказания «преступнику».

Тогда поднялся беспризорный, Федор Иванов, член библиотечной комиссии, в своем знаменитом «жарпальто», как его прозвали ребята (пальто все ободранное, в клочьях и ни капельки не согревает его), и произнес замечательную фразу:

— Надо быть снисходительным к нему. Ведь он еще не привык к нашему обществу.

...«Не привык к нашему обществу!..» Каково сказано?!

А «общество» в самых отчаянных лохмотьях, расположившись вокруг оратора, снисходительно глядело на новичка, опустившего голову: «Тебе, братишка, еще научиться нужно хорошим манерам».

Такие-то дела...

Последняя дверь в небольшом зале—это художественно-малярная мастерская.

Приятный запах красок и масла ударяет в нос. Над столами склонились ребята и рисуют. Рисуют серьезно и вдумчиво.

Вот один из них, склонивши голову на-бок и высунув язык чуть ли не до уха, пририсовывает к трубе

У беспризорных своя стенная газета

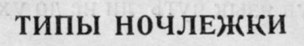
дым. Судя по дыму, можно подумать, что в доме пожар или еще того хуже — перегорело жаркое. Но рисовальщик доволен.

В художественно-малярной мастерской не только рисуют. Ребята там занимаются выпиливанием по фанере, дереву, делают ящички, разные модели и т. д. Трое ребят даже сделали себе три балалайки. Настоящие балалайки. Правда, сейчас осталось уже только 2, так как третью на улице уличные ребята вырвали у ночлежников и удрали с ней. Но ребята не унывают и теперь собираются сделать себе мандолины.

Желаем им успеха...

ТИПЫ НОЧЛЕЖКИ

«Царица»

Кто прозвал и почему так прозвали этого беспризорного подростка, угрюмого, молчаливого, с головой втянутой меж острых плеч, с тяжелым взглядом исподлобья, блуждающим взглядом кокаиниста, — неизвестно.

Ему постоянно казалось, что со всех сторон на него ползут ужасные и отвратительные жуки; его взгляд наливался ужасом, и напряженная рука с гадливым отвращением сбрасывала на пол воображаемых жуков.

Заведующий ночлежкой пытался сдать «Царицу» в школу для дефективных, но его там не приняли.

— Не выправить его...

Тогда заведующий ночлежкой решился на последний опыт: «Царица» был отослан в сельскохозяйственную коммуну.

Беспризорные

Ребята из ночлежки, занятые своими будничными интересами, постепенно забывали о своем недавнем сверстнике.

Однажды мне как-то довелось побывать случайно на праздновании детночлежкой годовщины своего существования. Низенький сплюснутый зал был набит публикой до отказа.

После доклада заведующего ночлежкой, председатель встает и об'являет:

— Слово для приветствия имеет представитель от сельскохозяйственной коммуны.

После этих слов за спиной председателя начинается возня. Ребята кого-то усиленно выпирают вперед, и кто-то также усиленно упирается, не желая сдвинуться с места. Но сила на стороне большинства, и упирающийся представитель коммуны появляется перед президиумом. Он страшно смущен, не знает, что ему говорить, и только мнет свою шапку.

Это крепкий подросток с круглым, словно налитое яблоко, лицом, от которого так и пышет силой и здоровьем. Живые глаза глядят исподлобья, перебегая с одного конца зала на другой. На нем крепкие сапоги и теплая куртка.

Когда первые минуты смущения прошли, и парень, собравшись уже было с духом, начал говорить:

— Товарищи! Так... значить... того...

Как вдруг его перебили.

Мишка Заноза, сидевший в задних рядах, неожиданно поднялся на скамье и, положив свой живот на голову впереди сидящего, взволнованно протянул руки к сцене.

— Ребята!.. Да это «Царица!..»

Весь зал зашумел и заволновался. Ребята повскакали с мест и только сейчас в этом круглом и цветущем парне признали своего сотоварища по ночлежке.

— «Царица!..» «Царица!..»

«Царица» (это действительно был он) окончательно смутился и увидев, что ему все равно не дадут говорить, оборвал и повернул обратно к своим ребятам из коммуны.

А зал ревел и гудел удивленными и восторженными голосами:

— «Ца-ри-ца!!.» «Ца-ри-ца!!.»

Петр Беглов

Низенький, вертлявый, с черными и блестящими глазами. Лицо нервное, подвижное и пытливое.

Его биография очень любопытна. Сам он уроженец г. Ростова, где отец его работает в ГПУ. На улице с 10 лет. Ушел на улицу, потому что познакомился с ростовскими жуликами, научился воровать, а главное не понимает совершенно отца (называет его «лягавым» за работу в ГПУ). По специальности «сумочник» (вырывает сумки). Нюхает кокаин. Мальчик чрезвычайно развитой.

Он пишет стихи.

Своим острым наблюдательным умом он схватывает жизнь беспризорного на улице, все

смотрят кино

ее удальство и бесшабашность и ярко передает все это в своих стихах.

Вот одно из его стихотворений этого рода.

ЧТО МЫ ЛЮБИМ, ТО НАС ГУБИТ

Мы любим карты и веселье,
Мы любим водку и вино.
Давай вино! Давай нам водку!
Больше не надо ничего.
Мы спим в котле,
Гуляем с водкой,
Играем в карты каждый день
Котел чумазый — мы как черти:
Гуляем, пьем пока умрем.
Над пионером мы смеемся.
И называем дураком,
А в голове кругом кружится—
Хоть опохмелиться молоком.

Но вот он уже на хорошем пути. Он работает, учится, перед ним встает новая радостная жизнь. Он вспоминает о своем прошлом и грусть этого прошлого смешивается с радостью настоящего.

ЗАБЫТЫЙ КОТЕЛ

Стоит котел...
Стоит пустой
Стоит, рыдает...
Как дурной
„Где мои гости.
Куда ушли
Меня забыли,
Не пришли"...
Гостей уж нет
Котел скучает,
Гостей к себе
Не ожидает.
Они примерные все стали,
И каждый день котел ругают
„Ах ты чумазый чорт, котел!
Нас ночевать к себе завел!
Теперь мы спим уж не в котле,
А на подушке
И спине".

Много есть поэтов в ночлежке, но 12-летний Беглов самый интересный.

Художники

Чуть не позабыл,—журнал!

Настоящий журнал, издаваемый ребятами, иллюстрированный, «литературно-художественный», как они его сами называют, журнал.

За 1926 год выпущено было 9 номеров, а в 1927 году уже выпущен январский номер и готовится к выходу февральский.

Когда посмотришь его—просто удивляешься: вот молодцы, ребята. Прямо хоть отпечатай и выпускай в продажу. Замечательный журнал!

Рисунков громадное количество. Например, в январском номере 1927 года (последний номер) на 32 страницах 78 рисунков.

Рисунков много, некоторые из них мы помещаем в «Пионере».

Смоленский рынок. Сенная площадь...

День постепенно гаснет, сумраки сгущаются, и ночлежка засыпает крепким, молодым сном.

Куда пойдут все эти ребята?

Трудно сказать. Они сейчас на перепутьи. Одни уйдут обратно на улицу, вырастут на ней, и на ней же погибнут, другие оторвутся от нее и станут честными энергичными работниками, достойными гражданами Советского Союза. Разные есть пути...

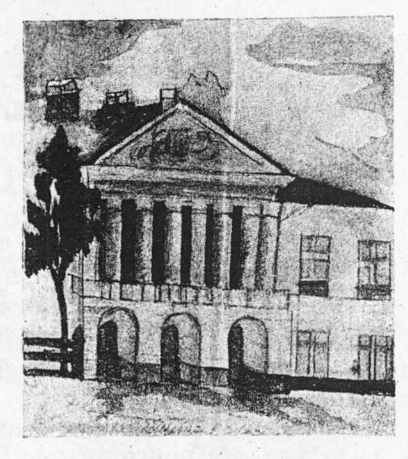
Ночлежка спит...

Мы все должны приложить все усилия, чтобы дети улицы пошли по последнему пути.

Это надо сделать во что бы то ни стало...

Обложка журнала

Здание ночлежки

(Рисун. из журнала)

Вид из окна

(Рисунок из журнала)

ЛАГЕРНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ

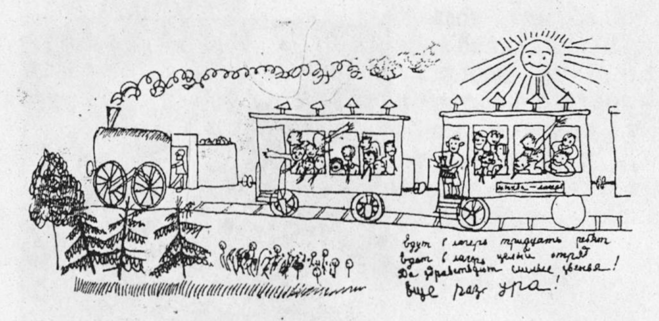
Дневник и рисунки мои
Чертежи Коли БУЛКИНА
Фотографии ВАСЬКИНЬ

НА ПОДНОЖНЫЙ КОРМ

1 июня. Ура, ура, ура! Бум, бум, бум! Музыка—горн и барабан. Прощания, приветствия, пожелания, слезы... Мы выехали в лагерь.

Нас тридцать человек: двадцать мальчиков и десять девчат. Ура, ура, ура! Поезд идет, колеса стучат, солнце светит, деревья зеленые, а ветви лезут в окна и хлещут по бокам нашего вагона.

Наш отряд выезжает в лагерь.

Что мы будем делать? Глупый вопрос, когда под боком—речка, лес, над нами солнце и вся земля наша, до самого горизонта.

Собрались мы в лагерь очень быстро. Чуть ли не за неделю все приготовили. Да и что готовить, собственно говоря? Нечего готовить. Ложки, кружки, да носовые платки. Выехали, и ладно.

Едут в лагерь тридцать ребят,
Едет в лагерь целый отряд,
Да здравствуют смелые звенья!
Еще раз, ура!

2 июня. Приехали вчера вечером. Ввалились в какое-то здание, распределились по каким-то группам, свалились по каким-то углам. Сегодня проснулись рано-рано. На траве роса. Около дома полянка. Дом старый и пустой, как пустая коробка. Ни одного стула, ни одного стола, ни одной табуретки. Стены с дырками. Весь дом просвечивает. Но это не беда. Теперь лето. Если дождь будет капать на нас сквозь дырявую крышу—будем на улице спать.

Настроение у ребят боевое. Целый день бегали и валялись на траве, как лошади. Больше всех валялся вожатый Миша. Больше всех потому, что на траве занимал самое большое место.

Самое главное забыл. Мы перестали быть людьми и стали рыбами. Мы не живем больше на земле—мы в воде.

Мы сегодня купались 450 раз, считая, что каждый из нас выкупался не меньше 15 раз, 30×15=450, не считая вожатого.

Некоторых ребят знобит, но это от непривычки. Мне, например, ничего. Я сразу привык.

Лучше, чем лагерь, на свете ничего не бывает. Это мое убеждение.

Не то еще 2-е, не то уже 3-е июня. Теперь ночь—я, кажется, перекупался или перезагорел. Все тело жжет. Спать не могу. Да кто уснет на горячей сковороде, а я как раз на такой сковороде и лежу. Записываю потому, что все равно не сплю.

3 июня. Едим на полу или на траве. Это довольно интересно, хотя и не очень удобно. Чай засыпает

песком, и песок потом очень неприятно хрустит на зубах. Мы не обращаем внимания. Песок—так песок. Песок слишком мелкая вещь, чтобы отравлять нам существование.

Опять купались, как дикие индейцы, с той только разницей, что индейцы и на земле живут, а мы так только в воде. Часть ребят здорово посинела во время купанья. Я ничего, только было холодно.

Вечером слонялись без дела. Кусали комары.

4 июня. Мы, как змеи, меняем кожу. Это порядочно больно. Наш день проходит так: завтракаем, купаемся, обедаем, купаемся, ужинаем, слоняемся, спим. Сегодня то же самое.

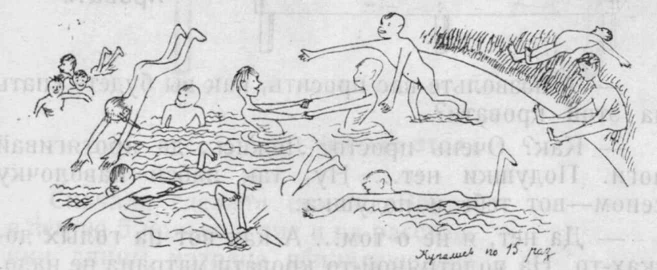
5 июня. Сегодня дождик. Делать было нечего. Полезли к вожатому Мише. Миша только руками машет. Отвяжитесь. Приехали в лагерь и живите—отдыхайте. Пели песни. Скучно. Играли. Игры старые, воротит от них. Скучно, скучно, скучно, скучно,

скучно, скучно, скучно. (В дневнике словом «скучно» заполнена целая страница).

Говорили насчет того, что будем делать, когда кончим школу. Оказалось, есть много ребят, которые хотят быть техниками и инженерами. Они и сейчас умеют мастерить. Коля Булакин, например, сделали модель электрического трамвая. А мы и не знали Вообще в лагере много ребят, которые умеют делать всякие вещи, а главное—очень любят их делать. Жаль, что мы приехали в лагерь только отдыхать... А погода плохая...

Ничего, завтра будет солнце, мы свое возьмем.

6 июня. Действительно, солнце было. Опять пошли купаться. Программа старая. Только одно развлечение и было: Котя Брыкин тонул. Все начали его вытаскивать. Вытащили. А там, где он тонул, и воды-то всего по колено.

Купаемся по 15 раз

Сегодня купались меньше. У 15-ти ребят головы болят.

7 июня. Мы здесь уже целую неделю. В общем мало радости. Спим на полу, дом дырявый, купанье целый день надоело, ребят знобит, кожа горит, чай пьешь с песком, комары кусаются. Песни поем старые, играть не во что, скучно. Делать нечего.

Вот не думал я, что в лагере может быть скучно оттого, что делать нечего. Оказывается, может.

Есть среди нас еще такие, которые прыгают, как телята, большинству скучно. Мне тоже.

8 июня. Ничего подобного. Сегодня было первое тайное заседание нашей таинственной группы. Попросту—совет отряда. Участвуют: Коля Булакин, Коля Солнцев, Коля Шамет (три Николая—I, II и III), Котя Брыкин и я.

Едим на полу или на траве

Решили заняться делом. В журналах «Пионер» и «Знание—Сила» есть материал, как сделать всякие вещи для лагеря. И вообще можно, оказывается, в лагере заниматься самыми различными вещами. У нас в отряде есть самые разнообразные специалисты. Во-первых: есть техники, во-вторых, любители природы, в-третьих, да сколько угодно всяких любителей!

Постановили командование вооруженными силами распределить так. Коля первый—техник, Коля второй—любитель природы и географии, Коля

третий—связь с братским пролетариатом из других лагерей и с крестьянством из ближайших деревень. Котя Брыкин—игры и я—театр.

Для начала решили всем отрядом без различия специальностей сделать оборудование лагеря. Стулья, столы и все, что полагается. За работу, ура!

ОБОРУДОВАНИЕ ЛАГЕРЯ

9 июня. Вот что было. Наша группа, предварительно сговорившись с вожатым Мишей, устроила общее собрание.

Товарищи, так невозможно жить! Нельзя спать на полу в грязи. Нельзя все класть на подоконники. Подоконники для нас и полки, и столы, и стулья. Вещи у нас все раскиданы по углам. Надо нам сделать кровати и прочее оборудование,—говорит Коля Булакин.

Мы все поддерживаем это предложение.

— Да как сделать? Легко сказать! Делать раскладные кровати—долго, да и плохие мы столяры. Надо было об этом раньше думать.

— Вот что я предлагаю: устроить кровати самые простые. Мы их можем сделать в один день.

ребят знобит каша

— Как же это?

Вот слушайте, выбирайте, какая кому кровать нравится—такую и делайте.

Тут Коля Булакин взял карандаш и лист бумаги. Все сели за стол и приготовились слушать.

К р о в а т ь н а п а л к а х: Выбери две толстых палки, толщиною в руку и длиной несколько выше твоего роста. Обруби сучки, сгладь неровности. Потом возьми широкую простыню или две простыни. Сшей края хорошенько, получится в роде мешка без дна. В этом мешок продень палки и растяни полотно. Теперь надо закрепить палки на подставке. Для этого надо взять два длинных полена. На концах сделай топором зарубки; в них и надо положить палки. На каждом полене зарубки надо сделать на таком расстоянии друг от друга, чтоб полотно было хорошо натянуто. Зарубки дела-

Одно развлечение было: Котя Брыкин тонул.

ются достаточно глубокие, чтоб палки не выскакивали. Вот рисунок такой кровати. (Коли Булакина). Неправда ли, превосходная кровать? Легка, удобна, и матраца не надо, а главное—легко выветривать и стирать полотно. Кровать разбирается в одну минуту.

Теперь остается еще одно дело—это сделать подставки для поленьев, так как наша кровать очень низка. Для подставок можно взять в соседнем кооперативе пару одинаковых ящиков и на них положить поленья. А самый ящик (один или оба) можно тоже использовать. Из ящика можно сделать шкафчик. Как делать такие шкафы из ящиков, я потом расскажу, а теперь, чтобы не терять времени, идемте—кто вырубать палки, а кто и в кооператив за ящиками.

Палок натащили целый воз. А с ящиками вышло не совсем гладко. Трудно было найти одинаковые и ровные. Часть ящиков была разломана. Пришлось их скреплять гвоздями. Много ящиков было длинных, из-под яиц. Тут наш вожатый Миша нашелся:

— Ребята, из этих длинных ящиков легко можно сделать кровати другого сорта. И они будут не хуже полотняных.

— Вот смотрите, как я буду делать.

Он взял молоток и быстро разбил один из длинных ящиков на отдельные доски.

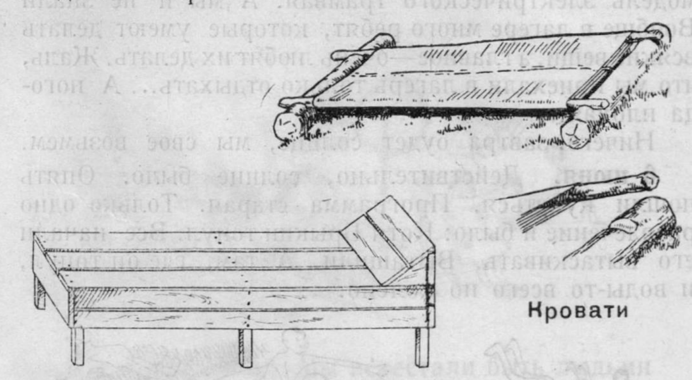
— А теперь, пока я буду дальше делать, у кого есть клещи, вытаскивайте из досок гвозди. Гвозди всем нам понадобятся.

В ящике, кроме длинных досок, на концах и в середине были 4 короткие толстые—по ширине ящика. Эти доски Миша расколол вдоль. Получилось 8 планок. Шесть планок он прибил гвоздями в концах и в середине целого длинного ящика, так что получились ножки. Когда он перевернул ящик и поставил его на ножки, все удивились, как быстро была сделана кровать и очень неплохая. Вот ее рисунок, рисовал тоже Коля Булакин.

Сейчас ребята стали примерять, ложились на новую кровать. Как раз по росту. Только вот изголовья нет. Тут наши ребята сами нашлись и приделали изголовье из оставшихся досок. Как оно устроено, видно на рисунке.

Когда кровать была готова, Котя Брыкин задал ехидный вопрос:

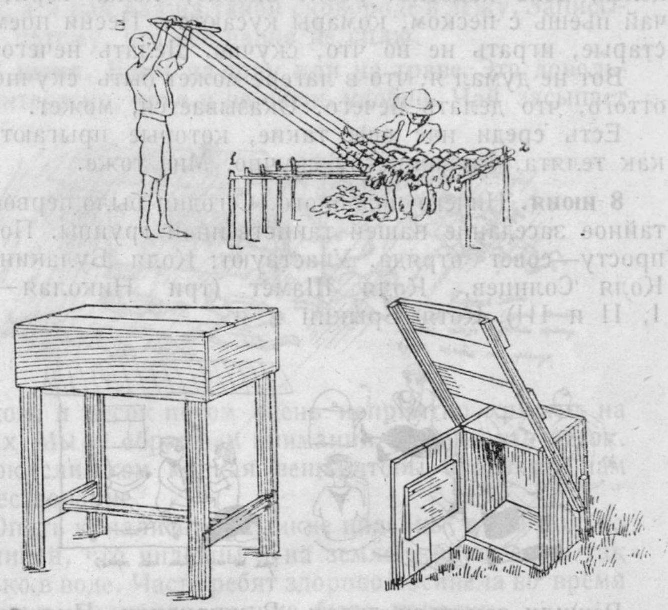
Кровати

— А позвольте вас просить, как вы будете спать на этой кровати?

— Как? Очень просто. Ложись, да протягивай ноги. Подушки нет... Ну, так набей наволочку сеном—вот тебе и подушка.

— Да нет, я не о том... А как вот на голых досках-то. На полотняной-то кровати матраца не надо, а здесь-то без него не обойдешься!

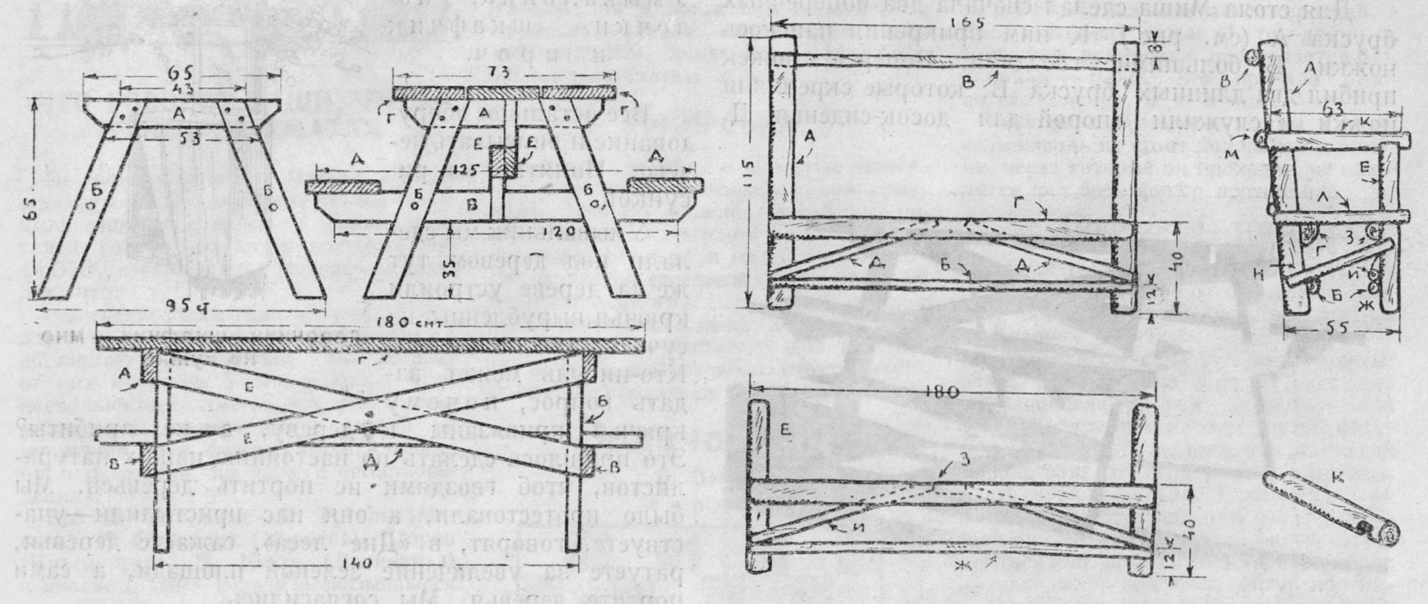
— Да, товарищи, это он прав. Надо изобрести матрацы! Эту ночь будем спать еще на полу, но завтра... Долой твердые полы!

Наверху—мы делаем матрац
Внизу—вы сами видите

10 июня. Решили устроить матрацы из мешков. Взять в кооперативе хорошие мешки, выстирать их и из них сшить длинные мешки и набить сеном.

Но в кооперативе не нашлось достаточного количества мешков, тогда решили сделать матрацы из соломы.

Чертеж стола

Чертеж дивана

Сначала сделали станок. Вбили в землю 5 кольев в ряд и на расстоянии длины матраца вбили еще два кола и к ним укрепили перекладину. Потом пять длинных веревок привязали к палке «ходуну», а концы веревок к перекладине, прибитой к кольям, как это показано на рисунке.

Размахивая «ходуном» вверх и вниз, закладывали попеременно то сверху, то снизу растянутых бечевок пучки прямой соломы. Пучки затягивались таким образом между двумя рядами бечевок.

Сегодня спим на мягком. Пишу, лежа на кровати, это хоть и не полагается, зато как удобно.

11 июня. Сегодня у нас работа кипит, как на фабрике. Стучат топоры, молотки, визжат пилы, да и ребята визжат.

Указания, как работать, дают все три Николая и наш вожатый; у них на руках комплект журнала «Пионер», где имеются рисунки и описания самодельного оборудования. В остальном проявляют свое творчество все ребята.

Вот что и как было сделано.

С т у л ь я и т а б у р е т к и и з я щ и к о в. Табуретку, собственно, и делать нечего. Просто надо было выбрать подходящий ящик, вбить в него десяток гвоздей, чтоб он был покрепче и сверху прибить четырехугольный лист фанеры от другого ящика.

Впрочем, девочки делали по другому. Они ящик покрыли чехлом, сшитым из мешка. И на чехле изобразили цветными нитками рисунок. Хотели раскрасить, но боялись, что будет пачкаться.

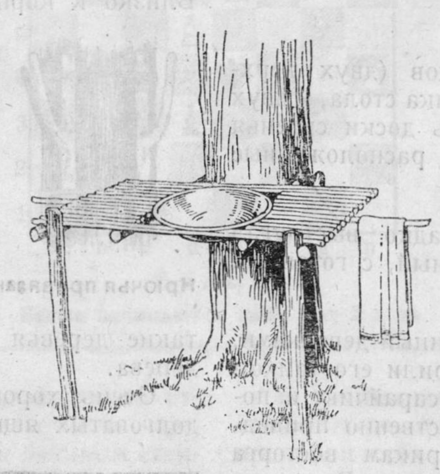
Стулья из ящиков делали со шкафчиками. Д в е р ц о й служила крышка ящика. Вместо петель обходились кусочками кожи, которую добыли, разрезав старый ремень.

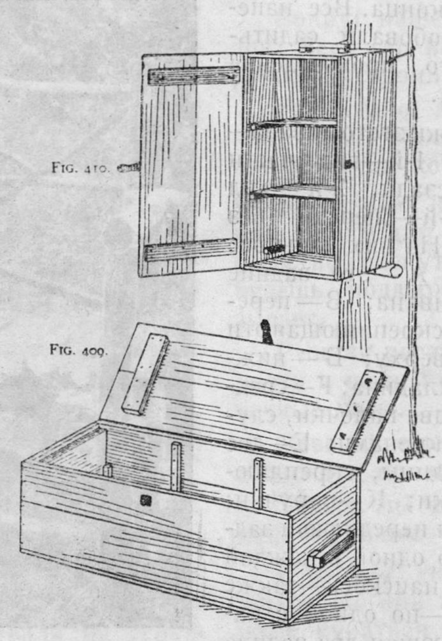
По бокам ящика прибили два бруска, к ним поперечные планки. Все пришлось строгать—с этим была большая канитель. Стулья вышли как нельзя лучше. Вот рисунки.

С т о л ы. Со столами было труднее. Конечно, можно было соорудить столы из ящиков. Так мы и сделали. Но наш вожатый Миша захотел сделать хороший стол из толстых досок. Он его делал чуть не целый день. Зато уж вышел замечательный стол, мы его даже засняли. Так же как засняли диван, сделанный из сучьев тремя девочками, о чем речь ниже.

Вот хорошо, что Вася привез вчера свой фотоаппарат из Москвы. Теперь мы можем, как говорится, фиксировать на бумаге главнейшие и интересные моменты нашей лагерной жизни. А то как ни рассказывай об этом диване и столе, а все будет не то. А фотография сама за себя говорит.

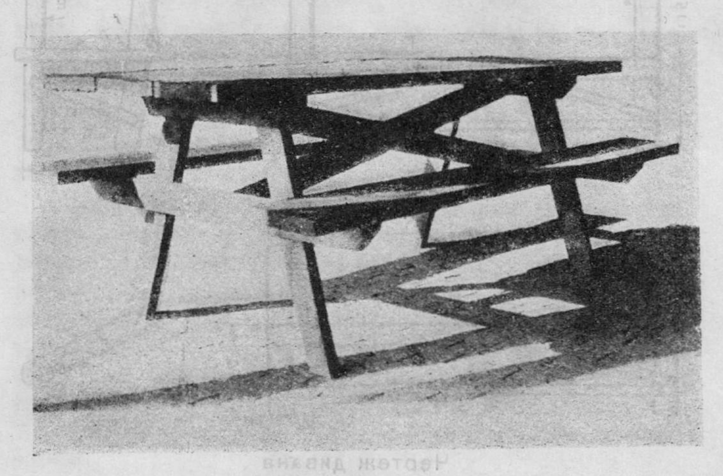
Как Миша делал стол, видно из рисунков. Размеры даны в сантиметрах.

Наверху—умывальник. Внизу—шкафчик

Для стола Миша сделал сначала два поперечных бруска А (см. рис.). К ним прикрепил наискось ножки Б большими гвоздями. Поперек ножек прибил два длинных бруска В, которые скрепляли ножки и служили опорой для досок-сиденья Д.

Портрет стола

В середину поперечных брусков (двух верхних) А, на которых держится крышка стола, и двух нижних В, на которые опирались доски сиденья Д, упирались две распорки Е, расположенные накрест.

Для крышки стола Г Миша гладко выстругал три доски. Стол вышел очень удобный, с готовыми скамейками по обеим сторонам.

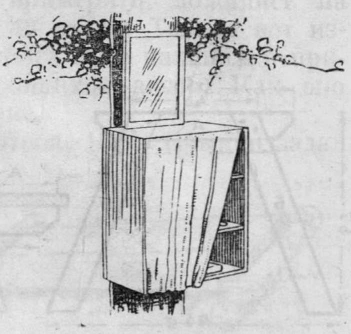
Диван из сучьев, сделанный девочками, также вышел на славу. Они мастерили его тайком от нас в сарайчике и потом торжественно принесли. Крикам восторга не было конца. Все наперебой пробовали садиться на это произведение искусства.

Скамейка

Чертежи этого дивана—вот они. 1-й—вид части дивана сзади, 2-й — вид сбоку, 3-й—спереди (без спинки). На них даны все размеры. А — это задние стойки дивана; В — перекладина, скрепляющая эти стойки сверху; Б — нижняя перекладина; Г— средняя; Д—две палочки, служащие скрепами; Е—две передние стойки; Ж и З—перекладины, скрепляющие передние стойки; И—распорки; К—поручни; Л—поперечная палка, скрепляющая переднюю и заднюю стойку, тонких планок две, по одной с каждой стороны. Палочка Н—прибитая наискось—также служит скрепой (таких палок две—по одной с каждой стороны); М—палка, связывающая две задние стойки.

Умывальник, полочки, шкафчик и проч.

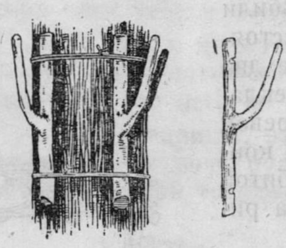

Девочкин шкафчик — мне не нужно

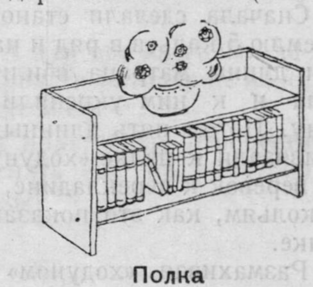
Все остальное оборудование и описывать нечего. Понятно из рисунков.

Умывальник мы сделали под деревом, тут же на дереве устроили крючья, вырубленные из сучьев, для полотенец. Кто-нибудь может задать вопрос, почему крючья привязаны к дереву, а не прибиты? Это пришлось сделать по настоянию наших натуралистов, чтоб гвоздями не портить деревьев. Мы было протестовали, а они нас пристыдили—участвуете, говорят, в «Дне леса», сажаете деревья, ратуете за увеличение зеленой площади, а сами портите деревья. Мы согласились.

Скамейки же у деревьев разрешили делать. Близко к корням кора у деревьев толстая (а мы такие деревья и выбирали) и гвозди не портят дерева.

Крючья привязаны к дереву

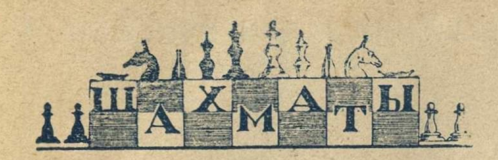

Полка

Очень хорошо получились шкафчики из продолговатых ящиков.

Портрет дивана

ЧТО ГОВОРЯТ НАШИ ЧИТАТЕЛИ О ШАХМАТАХ

По поводу заметки Матова «Долой шахматы» в № 3-м «Пионера» мы получили множество писем от наших читателей. Только один автор, подписавший-ся О. Э., соглашается с Матовым и находит, что:

«увлечение шахматами—ерунда. Правда, игра в шахматы для развлечения доставляет удовольствие. Но пользы от них никакой. У нас в школе есть несколько шахматистов, которые сильно увлекаются шахматами и ничего не понимают ни в физике, ни в алгебре, ни в геометрии, ни даже в естествоведении».

Все же остальные—Л. Гугель (Москва), И. Цукерник (Харьков), Егоров (Красноярск), Э. Коган (Ленинград) и многие другие—горячо высказываются за шахматы.

По общему мнению, шахматы—полезное развлечение, которое нужно всячески приветствовать и распространять. Они развивают ум и полезные качества, они отвлекают от азартных игр и хулиганства. Конечно, как и во всяком развлечении, в шахматах нужно знать меру. Нельзя всюду и всегда думать только о шахматах, как это часто бывает. **Шахматы не должны мешать школьным занятиям и общественной работе.** С этим согласны все.

Что же касается замечаний Матова о рассеянности и озлоблении, которые появляются после игры, то с этим ребята совершенно не согласны. Почти все приводят примеры из своего личного опыта и указывают, что увлечение шахматами не делает их рассеянными. **Шахматы не могут «дурака сделать умным», но и вреда они никакого не приносят,**—таково единодушное мнение читателей, приславших в редакцию отклики на статью Матова.

РОКИРОВКА

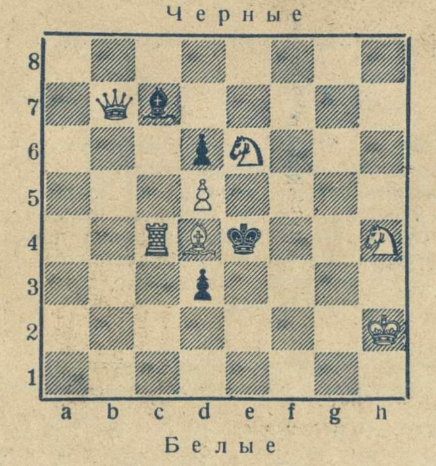
К правилам игры в шахматы прибавим еще одно, называемое «рокировкой». Как мы видели, белый король стоит в первоначальном положении на e 1, аладьи—на a1 и на h1. Король ходит на любую **соседнюю** клетку, ладья—по прямым линиям. Если король и ладьи еще не двигались и между ними нет никаких фигур (т.-е. клетки g1 и f1 или d1, c1, b1 свободны), то можно сделать рокировку, рокироваться: ладья ставится рядом с королем (т.-е. ладья h1 на f1 или ладья a1 на d1), а король перепрыгивает через нее и становится на g1 или на c1. Если рокировка производится в сторону ладьи h1, то она называется короткой, а если в сторону ладьи a1, то—длинной. Короткая рокировка обозначается 0-0, длинная — 0-0-0. Это правило относится, конечно, и к черным.

Рокировка возможна в том случае, если король не стоит под шахом и клетки, через которые он проходит, не находятся под боем фигур противника.

Задача № 3

Б. Левман

Черные

Белые

Белые начинают и дают мат 2 хода

ВЫИГРЫШ И НИЧЬЯ

Угрожать можно каждой фигуре и пешке. Угроза королю называется шахом, при чем шах необходимо об'явить противнику вслух.

У короля от шаха только 3 защиты: взять угрожающую фигуру, если она не защищена другой, закрыться или уйти. Подкрепить короля другой фигурой (4-й способ) нельзя, так как если король взят, то игра кончена. Вообще, взять короля нельзя. Если король не может взять угрожающую фигуру (т.-е. если она защищена другой фигурой), закрыться или уйти на такое поле, которое не находится под боем фигур противника, то **шах** превращается в **мат**, и сторона, **получившая мат**, считается проигравшей.

Как мы указывали, король не может стать на угрожаемое поле. В частности, один король не может стать **рядом** с другим королем. Следовательно, если кроме королей на доске ничего не осталось, то мата дать нельзя ни той ни другой стороне. В этом случае игра признается **ничьей.** Игра ничья и тогда, когда одному из королей некуда пойти, но он не находится под шахом. Например: белый король стоит на b5, белая пешка на c7, черный король на b8; ход черных, но им некуда пойти. Такое положение называется **патом.**

Сначала пришлось весь ящик разобрать на отдельные доски и выстругать их. После чего ящик снова сколачивался. Внутри ящика к боковым стенкам прибивали планки. На эти планки опирались полочки. Эти полочки мы не прибивали. Они легко вынимались. Это делали для того, чтобы можно было удобнее чистить и мыть полки. А кроме того, сняв полки, мы весь шкаф превращали в переносный сундук, для чего с боков приделали ручки (см. рис.).

Девочки делали для себя маленькие шкафчики из фанерных ящиков без дверец. Вместо дверцы была занавеска. Говорят так лучше, а по-моему они просто не могли устроить дверцы. На шкафчике у многих были укреплены зеркала. Без зеркала им трудно обойтись.

У нас же в спальне на всех было одно зеркальце.

Полочки, шкафы, стулья совершенно изменяли вид нашей спальни. Стало уютно и приглядно.

12 июня. Заканчиваем оборудование. В три дня-то!

Дырки в стенах забили мохом. Кое-где стены подправили фанерой и досками.

Развесили плакаты с лозунгами, украсили всю комнату сосновыми ветками (еловые быстро осыпаются) развесили портреты вождей и картинки. Вырезали из журналов и понаклеивали на серую бумагу. Особенно пригодились обложки и цветные картинки из «Красной Нивы».

В украшении комнаты особенно отличались девочки. Надо отдать им справедливость, в этом они проявили себя лучше мальчиков.

Вокруг нашего дома также все привели в порядок. Весь сор выгребли, подмели и расчистили дорожки, устроили скамейки.

Так стало хорошо, что просто удивительно, как это мы раньше не замечали той грязи и беспорядка, среди которых жили первые дни.

В комнатах и на участке около дома даже устроили ящики для мусора. Когда кругом стало чисто, совестно плюнуть на пол и сорить. Как-то невольно будешь поддерживать чистоту — обстановка обязывает.

Решили расчистить площадку для игр, поставить мачту и на ней флаг. Хорошо бы еще устроить солнечные часы.

Девочки еще предложили из цветных камешков выложить на земле серп и молот.

Теперь мы все придумываем, чем бы еще дополнить наше оборудование. Больше не скучно.

Страдают еще несколько ребят из перекупавшихся, но они тоже выздоравливают. И все мы вообще купаться не забываем и даже играть. Хотя все это было гораздо интересней всякой игры. В общем, здорово!

Цена 20 коп.

УГАДАЙ!

№ 26 ЗАДАЧА

Скорняку нужно было наложить на мех заплату в виде треугольника. Измерив стороны последнего, равные 5, 7 и 11 вершкам, скорняк выкроил заплату, но, по ошибке, не той стороной.

Каким образом, не прибегая к другому куску меха, следует раскроить вырезанную заплату на части, чтобы из них получился треугольник, какой необходим скорняку для меха?

№ 27 ЛОГОГРИФ

(Н. Н. С., Самара)

С буквой „з“—откуда каждый
Все всем нужное несет...
С буквой „ш“—на море страшен,
Коль прочтешь наоборот

№ 28 ЗАДАЧА

(Лозунг Казанцева)

В данном квадрате предполагается прочитать лозунг следующим образом: взяв циркуль и расставив ножки на

А———В

расстоянии АВ (см. черт.), постепенно от одной точки с буквой к другой переставлять его, не отнимая от предыдущей точки, таким образом, чтобы все буквы были пройдены только по одному разу. Следовательно, расстояние между двумя буквами лозунга должно быть равно линии АВ.

РЕШЕНИЯ ЗАДАЧ, ПОМЕЩЕННЫХ В № 2, 3.

№ 5

Табак.

№ 6

П-И-рог.
П-О-рог.

№ 7

«Пионер, не сиди зимой в душной комнате, лыжи и коньки сделают тебя бодрым и веселым».

Читается каждая третья буква.

№ 9

Пионер должен всегда помогать в работе школьному самоуправлению

№ 10

св**И**рь
во**Л**га
эл**Ь**ба
те**М**за
дн**Е**пр
ду**Н**ай
ал**Ь**ма

№ 11

э т м е	д ы х о	х а в р	н ь а з	я м г о	о г р а	у ч е т	и х с я
п л м о	а м л о	я с т т	и л я ж	ь н е л	е й ы й	в о г о	т и т с
в с о т	н а а й	к о н а	в а н е	л ь й В	н е П щ	й р е н	а б и н